

18+

Рина Эйртон

В ТЕНИ НЕВИННОСТИ

Рина Эйртон

В тени невинности

«Издательские решения»

Эйртон Р.

В тени невинности / Р. Эйртон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-649243-1

Вот уже почти десять лет, как мир превратился в былой призрак себя. Повсюду разруха, мох покрывает асфальт, а по ночам на улицы выходят те, кто раньше жил здесь. Беспомощные марионетки вируса — заражённые. Фирмино не боится заразиться. Он боится сойти с ума от одиночества. Но все его страхи померкнут в тот день, когда на пути встретится мальчишка по имени Алекс. Встреча, ставшая причиной счастья и несчастья Фирмино, навсегда изменит его. Ведь порой даже самая невинная улыбка таит в себе черноту.

ISBN 978-5-00-649243-1

© Эйртон Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Запись первая. Незнакомец	7
Запись вторая. Бандиты	16
Запись третья. Чердак	27
Запись четвёртая. Гитара	37
Запись пятая. Машина	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

В тени невинности

Рина Эйртон

© Рина Эйртон, 2024

ISBN 978-5-0064-9243-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта история возникла ещё в далёком 2019 году, и с тех пор претерпела множество изменений. Я хочу выразить благодарность своей любящей семье, милому мужу и лучшей подруге, которая оказала неизмеримое влияние на формирование характера Фирмино.

История Фирмино рассказывает не о разрухе, заражённых и бандитах, а о тревоге и страхе. Об одиночестве. И, в первую очередь, о *надежде*. Поэтому желаю моему дорогому читателю никогда не терять эту самую надежду.

А для тех, кто не привык читать в тишине, оставлю плейлист (Алекс наверняка бы одобрил).

Плейлист

- MGMT – Little Dark Age;
- Сплин – Тревога;
- Molchat Doma – Sudno;
- Palaye Royale – Tonight Is The Night I Die;
- Måneskin – CORALINE;
- Tom Odell – Another Love;
- Kaleo – Way Down We Go;
- Palaye Royale – Lonely;
- Дурной Вкус – Пластинки;
- Беспокойник – Без конкретики;
- Matthew Mayfield – Quiet Lies;
- Mr.Kitty – After Dark;
- Электрофопез – Зло;
- Seafret – Monsters;
- Nothing But Thieves – I Was Just a Kid;
- Nirvana – Something In The Way.

Запись первая. Незнакомец

Я собираю слова по обрывкам мыслей и чувств, сидя в холодном подвале. Передать происходящее, не исказив предложения мимолётными эмоциями, так же трудно, как начать говорить спустя год молчания. Я знаю, что «сегодня» – это та самая точка, преодолев которую я не смогу вернуться. У меня нет доказательств, я просто уверен в этом.

Но следует начать с самого начала.

В первую половину дня не происходило ничего, что я мог бы отметить как «из ряда вон выходящее». Утро было очень похоже на все те, что ему предшествовали. В пустой железной кружке, что стояла на старом комодe, отражались первые лучи солнца, падая на пожелтевшие от времени, почти отклеившиеся от холодных стен обои, и превращаясь в назойливые солнечные отблески, которые раньше называли «зайчиками». Они мешали продлить сон хотя бы на пару минут.

Я никогда не любил утро. Я не хотел покидать свой идеальный придуманный мир, где сценарий писался моими чернилами. Выдуманный голос собеседника, прикосновения на коже, улыбка, застывшая на чужих устах. Хотелось увидеть это в реальности, а не тешить себя выдумкой, содрогаясь от мысли, что такого с тобой никогда не случится.

– Довольно ныть, – сказал я лишь для того, чтобы заполнить давящую тишину дома. – Ты должен быть сильным.

Биться головой об стенку, без сомнений, занятие увлекательное, но выжить мало помогает. Освальд всегда твердил мне: «Если хочешь жить, то не смей отчаиваться». И я старался сохранять надежду, пытался не впадать в отчаяние, заставлял себя видеть в плохих вещах только хорошее. Даже когда у меня это не получалось. Всегда.

Я встал с жёсткого матраса, размял руку, которую успел отлежать за время сна, и направился в ванную. Решил, что вода стоит слишком давно – вынул тряпку из слива, наблюдая за грязной водой, медленно утекающей из раковины. В потрескавшемся зеркале подметил синяки под глазами, которые делали мой помятый вид ещё хуже. Но если не быть строгим, то выглядел я неплохо.

Свободного времени хватало и для расчёсывания спутавшихся волос, и для бритья бороды. Я бы мог наплевать на все эти процедуры, ведь от них не было толка, но мне хотелось хотя бы внешне быть похожим на человека. Порой охватывал страх, когда из зеркала на меня смотрел озлобленный незнакомый мужик. А ведь в те прекрасные времена, о которых, увы, я мог прочесть лишь в книгах, люди при виде меня сказали бы «юноша». Да, фактически я и был юношей. Я не знал своего возраста, но точно ощущал, что недавно мне исполнилось двадцать.

Вдоволь поразмыслив о своём внешнем виде, я спустился на первый этаж и вышел на задний двор, зябко кутаясь в бесформенную рабочую куртку. Весь двор был завален листвой.

«Ещё одно дело на вечер», – подумал я, позволяя прохладному воздуху спереть дыхание.

Судя по цвету листвы и внешнему виду деревьев, наступила поздняя осень. Ноябрь. По вечерам часто шли проливные дожди, а по утрам стоял густой туман. До зимы остались считанные дни, и это меня совсем не радовало. Не знаю, казалось ли мне, но в последние годы зимы стали холоднее. Пережидать их – настоящая пытка. Я часто просыпался из-за мелкой дрожи, охватывающей всё тело в те редкие ночи, когда мне вообще удавалось уснуть. Поэтому в этом году я постарался заготовить как можно больше дров и проследить за их хранением, чтобы они (в отличие от прошлого года) остались сухими. Отдельной морокой стал домашний скот.

В первые дни моего одиночества я и представить не мог, что буду заботиться о хозяйстве похлеще миссис Бейтс и старика Рэймонда. Но одиночество многое меняет. Наверное, поэтому я, утомлённый разговорами с домашними курами и самим собой (наискущнейший собеседник),

начал писать дневник. Начал писать с мыслью, что однажды смогу прочесть его вслух моему драгоценному другу, наставнику или даже любимому человеку.

Да, я мечтал снова услышать человеческий голос в стенах дома. Рассказывать о своей жизни в Италии, обсуждать сюжеты прочитанных тысячу раз книг и просто молчать, зная, что в любой момент ты сможешь разорвать эту тишину. Не чувствовать себя брошенным и не бояться сойти с ума от одиночества. Но время шло, а люди в моём маленьком, оторванном от мира городке, так и не появлялись.

До сегодняшнего дня. Но не буду забегать наперёд.

После того как я набрал и продезинфицировал воду из колодца, в мою голову пришла навязчивая мысль. Я решил перенести ежедневный обход города, который совершал ровно в полдень, на более поздний час.

Обычно таких вольностей я не допускал и действовал строго в соответствии с расписанием, но сегодня меня одолела простая как дважды два человеческая лень. Мне не хотелось выбираться далеко от дома. Поэтому утро я посвятил неспешному завтраку и ленивым заботам, вроде гигиены, кормёжки животных, проверки ловушек по периметру дома и чистки отопительного котла от сажи.

По окончании дел я с удивлением обнаружил, что пропустил время обеда, поэтому решил совместить приём пищи с любимым видом досуга – чтением. Освальд всегда ругался из-за этой дурной привычки, но сейчас отчитывать меня было некому. Тем более простоявший в подвале бульон имел ужасный привкус (возможно, дело в овощах), и доесть его было намного проще под любимый роман.

Так и растянулся этот день, наполненный повседневными хлопотами и отдыхом. Уже вечером, заметив, что небо затягивает чёрное облако, я вспомнил об обходе города. Следовало поспешить, пока не пошёл дождь или не проснулись заражённые.

Ночью и в плохую погоду на улице становилось небезопасно. В это время я старался не подходить к заколоченным окнам, не оставлять свечи зажжёнными и не шуметь. Если соблюдать эти простые правила, то можно легко пережить ночь.

Лет семь назад меня пугала темнота. Я забивался в угол собственной комнаты и боялся даже открыть глаза. Мне казалось, что чудовища, которых все называют заражёнными, живут в неосвещённом углу комнаты, где-то под сырым потолком. Я верил в это так сильно, слепо и по-детски наивно, что даже слова взрослых не могли переубедить. Со временем страх хоть и не до конца, но всё же оставил меня.

Вот только тогда меня могли защитить. А сейчас это делать некому. Кроме меня самого и Ремингтона, конечно же. Странное дело, но, несмотря на то, что я с самого детства считал себя пацифистом до мозга костей, с оружием я не расставался даже дома. Особым другом для меня стал дробовик, пусть использовал я его нечасто из-за создаваемого шума (глушитель не мог сделать это оружие достаточно тихим). Но я всё равно по-особенному трепетно относился к дробовику по одной простой причине: его мне подарил Освальд. Вряд ли я смогу выразить словами, насколько дорог был для меня этот человек, но я постараюсь. Правда, в другой раз, чтобы не сбиться с мысли.

Итак, в районе пяти часов вечера я вышел на улицу, с рюкзаком и Ремингтоном за спиной. Лицо моё было скрыто тканевой маской, а голова – капюшоном куртки. Спустившись по ступенькам крыльца, я ещё раз взглянул на небо. С запада двигалась низкая чёрная туча, съедая на своём пути последние пушистые облака и блёкло-голубое небо. Вместе с тучей шла и свежесть, какая наступает только после продолжительного ливня. На секунду мне захотелось плюнуть на график и вернуться к недочитанной книге и мягкому креслу, но сделать это я себе не позволил. Покачал головой: нужно поддерживать внутреннюю дисциплину. И без того стал апатичен ко многим важным вещам.

Поправив рюкзак, я подошёл к забору, на ощупь нашёл калитку, спрятанную под густой лозой, и мягко нажал на ручку. Калитка бесшумно открылась. Петли старенькой дверцы были ещё одной моей бесконечной заботой, ведь шум – самый главный враг. Кажется, это третье правило никем не записанных законов, что я знал как молитву. Опуская засов, я прислушался. Заражённые вряд ли станут пользоваться дверью, но бояться стоит не только мёртвых. Иногда встреча с живыми хуже. Гораздо хуже. Именно поэтому я и проводил ежедневные вылазки в город. Предупреждён – значит вооружён. А безоружным я предпочитал не оставаться.

Путь мой можно условно разделить на три точки: дом – центральная площадь – смотровая башня. Забравшись на последнюю, я мог просмотреть весь город с высоты птичьего полёта, что давало мне неплохое преимущество над всеми теми, кто оставался внизу. По времени такой путь занимал около полутора часов. Сегодня, даже вопреки проверенному на протяжении многих лет графику, я не хотел мокнуть под дождём или подвергать себя опасности встречи с заражёнными, и потому выбросил из маршрута центральную площадь, направляясь сразу к смотровой башне.

Я шёл знакомыми пустынными улицами. Шорох листвы под своими же ботинками заставлял поёжиться, лишний раз обернуться назад, а желание прийти домой поскорее – ускорять шаг. Но если не брать в расчёт моё хмурое настроение, ничего вокруг не предвещало беды. Это были всё те же мёртвые покосившиеся дома (отпечаток прошлого), которые на моей памяти были такими с самого начала. По той простой причине, что приехал я в Виллсэйл – пригород шумного Лейтхилла – уже после *тех событий*. Да, я помнил свой дом, помнил школу, помнил родной город прежним, ещё не заброшенным. Но Виллсэйл, который стал для меня вторым (хотя правильнее было сказать третьим) домом, я не представлял иначе.

Но попытался представить, опуская взгляд на разбитый асфальт, покрытый мхом, слоем грязи, осколками стекла, и посеребрившими листьями. Среди всего этого мусора я заметил единственный кленовый листок, ещё не утративший ярко-оранжевый окрас. Такие листки дети использовали для создания... Как же он назывался? Ах, точно, гербарий! Я поднял листок, крепко сжимая его между пальцев, и поднёс к солнечному свету, прищуривая один глаз. Вроде дети их высушивали между страницами книг, а потом клеили в тетради. Занимательное занятие.

Именно в этот момент, когда я был занят размышлениями, не создать ли мне собственный гербарий в следующем году, раздался выстрел. Звук этот стал настоящим шоком для меня (заражённые оружием уж точно не пользуются).

Я инстинктивно пригнулся, взял в руки дробовик и на всякий случай снял его с предохранителя. Осталось понять, откуда стреляли. Взгляд мой упал на одноэтажное здание, служившее когда-то второсортной забегаловкой. Словно в подтверждение моей догадки прозвучал второй выстрел. Значит, кто-то устроил перестрелку внутри здания. Но кто? Был ли он один или их там целая группа? Случайные путники или вооружённые до зубов бандиты?

На корточках прокравшись к одному из окон, я прижался к стене и заглянул в щель между досками, которыми было заколочено окно. К моему удивлению, зал был пуст. Возможно, стрелявший заметил меня и спрятался за барной стойкой в ожидании, что я зайду внутрь. Но этот вариант показался мне маловероятным: вряд ли стрелявший мог увидеть человека на улице с такого расстояния. Оглядев периметр, я также отбросил вероятность встретить кого-то снаружи и получить пулю в спину: следы на земле ясно говорили о двух, от силы трёх людях. И все они были внутри.

Пришлось рискнуть. Я пробрался к открытой двери, что само по себе говорило о наличии незваных гостей в моём городе, и, не сомневаясь ни секунды, шагнул в зал. Ладонь левой руки лежала на прохладном стволе дробовика, а указательный палец правой – на спусковом крючке. Шаг, второй, третий. Под ногами зашуршали бумажные упаковки для обедов навынос.

На четвёртый шаг хрустнуло стекло разбитой бутылки. Я затаил дыхание, обводя зал взглядом. Никого.

– Дерь... Плохо, – прошипел я, подавляя порыв ругнуться.

Тут из помещения, вероятно, служившего подсобкой, раздался неясный шорох.

– Так вот ты где...

Я постарался подобраться к двери подсобки как можно тише. Внутри и вправду кто-то сидел. Понять это можно было по сдавленному шёпоту, будто молитве или тихому ругательству. Я собрался с духом, крепко вцепился в ружьё и толкнул дверь ногой, надеясь одержать верх благодаря эффекту неожиданности.

– Шевельнётся – убью, – громко и чётко произнёс я, наставляя дуло дробовика на незнакомца. Оружия в его руках не было, что уже сильно облегчало мне задачу. Лица же я не мог увидеть из-за кромешной темноты в подсобке. – А теперь руки вверх, живо. Попробуй только выкинуть что-нибудь. У меня хорошая реакция.

Незнакомец пристально смотрел на меня.

– Ты глухой? Выходи на свет. Меня лучше не злить.

Он молча указал в угол комнаты. Я не решился отвести взгляд от незнакомца, но краем глаза заметил нечто похожее на человека. На тело.

– Выходи, – повторил я. – Считаю до трёх.

Молчание.

– Один. Два.

– Не надо. Пощадите.

– Тогда делай, что я тебе говорю.

Парень медленно поднялся, держа руки так, чтобы я видел их.

– Я ребёнок, – сказал он. – И я безоружен.

По росту незнакомец и вправду походил на ребёнка.

– Не ври. Я слышал выстрелы.

– Это он, – мальчик снова указал в угол комнаты. – Его укусили и он... покончил с этим.

Голос мальчика дрогнул, и мне даже стало его жаль. Но лишь на пару секунд.

– А тебя?

– Нет... нет, я чист. Можете проверить.

– Вас было двое?

– Да.

– Где припасы?

– Здесь. В рюкзаке, – он кивнул на лежащий рядом с ним рюкзак. – Но это всё, что у меня есть. Не отбирайте последнее.

– Посмотрим.

Я отступил, давая мальчику выйти. Он долго колебался, но всё же решил выбраться на свет. Первое, что мне бросилось в глаза – это его блондинистые волосы и запачканная кровью коричневая замшевая жилетка. Одет он был в эту самую жилетку, зелёную клетчатую рубашку и грязные джинсы с кучей заплаток. На ногах красовалась разная обувь (видимо, из-за неё я и ошибся в следах): на левой ноге это была кроссовка, замотанная изолентой, а на правой – сапог.

– Пощадите. Мне нет даже четырнадцати, – с дрожью в голосе произнёс мальчик.

– И что? Возраст не мешает тебе оказаться чокнутым убийцей. Так что не рыпайся.

Я сделал шаг навстречу, всё ещё держа его под прицелом. На первый взгляд следов укусов и вправду не было. Но обольщаться насчёт этого мальчика не стоило. Я вывернул его карманы, заставил расстегнуть жилетку и, в конце концов, нашёл охотничий кинжал.

– А говорил, что безоружен...

– Что такое нож против дробовика?

Здесь я был вынужден согласиться. Спрятав кинжал за пояс, я вернулся в подсобку. Он не соврал: тело мужчины, который, вероятно, проделал путь до Виллсайла вместе с мальчишкой, было покрыто следами укусов. Хоть меня и смутил тот факт, что я отчётливо слышал несколько выстрелов, заострять на этом внимание я не стал. К горлу подкатил ком лишь при одном виде этой мерзкой картины.

Я забрал рюкзаки и сумку из подсобки и вернулся к мальчику, которого всё это время не упускал из вида. Рюкзак, принадлежавший ему, я узнал сразу: вряд ли взрослый мужчина стал бы украшать свои вещи многочисленными значками и нашивками. Расстегнув молнию, я принялся одной рукой доставать из него вещи, в надежде найти хоть что-нибудь полезное. Мальчик, который до этого момента не подавал голоса, резко встрепенулся и воскликнул:

– Это мои вещи!

– Умолкни.

Он смотрел на меня испуганным взглядом. Мне казалось, будто он вот-вот заплачет.

– Не надо... я Вас умоляю. Уберите оружие. Разве жалкие остатки стоят того, чтобы перегрызть друг другу глотки?

– Я сам буду решать.

Мальчик тяжело дышал. В какой-то момент он схватился за грудь и захрипел, будто не смог сделать вдох. Согнувшись, он начал задыхаться.

– По... моги...

Я опустил дробовик, и в этот момент он сделал торопливый шаг в мою сторону и замахнулся рукой, чтобы выхватить оружие, но был остановлен предупредительным выстрелом в стену. Никто не смел отнимать у меня Ремингтон.

– Не подходи, – прокричал я.

Мальчик поднял руки, сдаваясь.

– Простите... я обманул. Больше так не буду. Я просто хотел забрать свои вещи. Это всё, что у меня осталось от родителей. От отца.

– Отца?

Он кивнул в сторону мёртвого тела. Мне стало не по себе. Освальд учил меня дорожить каждой мелочью, найденной среди мусора, но... ведь эти вещи принадлежали мальчишке, стоящему сейчас прямо передо мной.

Я кинул в него рюкзак, так и не успев увидеть всё содержимое. В конце концов, не похоже, чтобы там было что-то полезное. А отбирать последнее я не собирался. Не хотел становиться чудовищем в его глазах.

Мальчик тут же схватил свой драгоценный рюкзак, жадно прижимая к себе.

– Кто ты такой? Откуда шёл?

Он опустил взгляд, будто раздумывая. Эта тишина... Она меня съедала изнутри. На улице начинало смеркаться, и медленное наступление темноты ещё больше давило мне на нервы. Видимо, мальчик заметил перемену на моём лице.

– Не знаю...

– Не знаешь, откуда пришёл?

– Не знаю, что делать дальше. Это всё произошло из-за меня.

– Откуда ты пришёл? – повторил я строго.

– Я не хочу умирать, – сказал мальчик, смотря на меня уставшим взглядом. – Не знаю, верите ли Вы во всевышние силы, но я в них не верю. Не верю, что чудо способно меня спасти. А сам себя я не смогу защитить. Никто больше не сможет.

Я покачал головой. Стоило убираться отсюда, пока окончательно не стемнело, но заставить себя уйти не получалось. Мальчик всхлипнул и продолжил:

– Будь у меня шанс, я бы вернулся в самое начало. Я бы всё исправил. Не стал причиной смерти дорогих мне людей. Но... я всё равно хочу жить. Скажите, почему я этого не заслужил?

Потому что я маленький и меня легко обидеть? Потому что в этом мире право на жизнь имеют только сильные люди?

Что ж, похоже, он добился того, что хотел. В душе моей не осталось ничего, кроме пустоты. Все воспоминания, сожаления и переживания, которые я прятал в себе многие годы, вновь вырвались наружу, отравляя сознание. И плевать стало на осторожность, что я так старательно соблюдал каждый день.

– Каждый из нас этого хотел. И что с того? – стараясь сохранить внешнее равнодушие, спросил я.

– Прошу.

– Нет.

– Пожалуйста... дайте ночлег. Всего на одну ночь. Прошу...

Как же я ненавижу принимать важные решения, от которых зависели жизни людей. Но, кроме меня, принимать их было некому.

– Я не могу.

– Почему?

Потому что не доверял ему. Но и оставить этого мальчишку с большими грустными глазами было выше моих сил.

– Слушай, я не стану тащить тебя домой.

– Не надо домой. Вы же наверняка знаете безопасные места в городе, где я мог бы переночевать. Вам же ничего не стоит!

И вправду, чего мне это стоит? Спокойствия? Порядка? Жизни?

– Пожалуйста... Мне страшно.

Как бы на моём месте поступил Освальд? Он бы придумал верный выход. Он всегда это делал.

Ах, Освальд, правильно ли я поступаю? Иду на глупую провокацию, доверяя смазливому детскому личику. Поддаюсь своему слепому желанию забыть об одиночестве, рискуя при этом последним, что у меня осталось. *Моим домом.*

– Ладно... ладно. Я знаю одно место.

Его лицо в этот момент выражало одновременно всё и ничего. Да что там лицо: он был весь соткан из странного, непонятного мне чувства. Его действия, эмоции, слова... Может, я просто отвык от людей, но выкинуть своё предубеждение никак не получалось.

Он *чужак*. Чужак, который после всех своих слёзных речей просто кивнул и принялся собирать рюкзак, запихивая выкинутые мной вещи обратно.

Хотелось бы узнать, что творилось в его голове. Но вместо пустых рассуждений я потянулся к спортивной сумке и рюкзаку – вещам, вероятно, принадлежавшим отцу мальчишки. Сумки были довольно увесистыми.

– В чёрной сумке есть автомат. Но на него нет патронов, – предупредил мальчик, смотря на меня. – Можешь оставить себе в качестве платы. Ты же не против, если я перейду на «ты»?

Что ж, оружие лишним не бывает. Накинув рюкзак и сумку на плечо, я обернулся к своему новому спутнику.

– Я отведу тебя в подвал бывшего музея, через две улицы отсюда. Там есть где расположиться на ночь.

– Ладно.

– Но... это только на одну ночь.

– Я знаю. Мне нет смысла здесь задерживаться.

– Куда вы держали путь?

Мальчик прошёл мимо меня, направляясь к выходу. Мне показалось, что он не услышал вопрос, и я уже собирался повторить, как вдруг мальчишка остановился, взглядом задерживаясь на двери подсобного помещения.

- В Лейтхилл. Большой город за мостом. Так нам говорили.
- Отсюда до моста часа два, не меньше.
- Значит, завтра успею до обеда.

Я не стал возражать, говорить, что идти в Лейтхилл опасно. Он должен был сам знать о том, что в больших городах невозможно свободно передвигаться без транспорта и оружия. Идти туда – самоубийство.

До музея мы шли молча. Я не мог найти темы для разговора, а мальчик, похоже, просто не хотел говорить. Он выглядел подавленно. Смотрел только себе под ноги и изредка кидал на меня косые взгляды. Когда мы дошли до одноэтажного здания, стены которого были покрыты почти полностью отслоившейся краской, он остановился, оглядываясь.

– Слышал?

Я прислушался. Где-то вдалеке раздался протяжный мучительный вой.

– Они просыпаются, – подтвердил я свои мысли.

– После сна следует подкрепиться. Не знаю, как ты, а я не хочу становиться чьим-то завтраком.

Мальчик показательно обошёл меня, открыл железную дверь и скрылся внутри. Вот же... Он явно был не из робкого десятка.

– Помоги мне, – донёсся его голосок из главного зала, стоило мне закрыть железную дверь.

Блондин уже стоял у антикварного письменного стола, уперев руки в столешницу.

– В этом нет необходимости...

– Что плохого в том, чтобы лишний раз убедиться в своей безопасности?

Я покачал головой. Пришлось помочь ему дотянуть стол (очень тяжёлый стол) до двери, забаррикадировав тем самым единственный вход. Говорить, что скрежетом дубовых ножек о пол мы могли привлечь к себе внимание, я не стал. Я вообще не знал, как правильно разговаривать с этим... новым знакомым. Поэтому без лишних слов открыл дверь, ведущую в подвал, и позволил ему спуститься по бетонным ступеням.

Мальчик бегло огляделся, пытаясь разобрать хоть какие-то очертания в крошечной темноте. Пока он на ощупь двигался по комнате, шкрябая ногами по холодному кафелю, я зажёл несколько свечей и поставил их на усыпанный трещинами стеклянный стол. Пламя свечей освещало пыльную тахту, стоящую рядом со столом, несколько сломанных стульев и мерзко пахнущую ветошь, валяющуюся по всей комнате и в особенности у тахты.

Мальчик заморгал, привыкая к свету, и настороженно подошёл к тахте. Краем глаза он наблюдал за мной, что не укрылось, конечно же, от моего взгляда. Чтобы позволить ему немного расслабиться, мне пришлось опуститься на один из стульев и кивнуть, показывая, что он может сесть. Я постарался сделать это как можно дружелюбнее. Только сейчас я в полной мере осознал, что спустя томительный год одиночества мне повстречался настоящий живой человек. Эта мысль будоражила, хоть я всё ещё не доверял мальчишке.

– Часто ты тут бываешь?

– Нет, это просто запасное убежище. На чёрный день.

– Оно видно. Так... как тебя зовут? – спросил он, садясь на тахту и подгибая под себя ногу.

– Тебе это необязательно знать.

– Но...

– Нет.

– Ты хорошо вписываешься в сегодняшний день. Такой же хмурый и...

Он задумчиво хмыкнул и махнул рукой, не придумав продолжения.

Напряжение... Я уже забыл, что это значит. Тягучее чувство, давящее на тебя. Я не понимал, как избавиться от этого, поэтому предпочёл просто промолчать.

Мальчик уже не выглядел настороженным. Он поставил рюкзак рядом с собой, стянул с себя обувь и жилетку. Заметив, что я пристально слежу за каждым его движением, с его губ сорвалось что-то напоминающее задумчивое «хм».

– В чём дело? – с любопытством поинтересовался он.

– Ни в чём.

– Ты так сильно не доверяешь мне?

– У меня нет причин доверять тебе. Завтра тебя уже здесь не будет.

В глубине души я хотел, чтобы мальчик остался в городе. Пусть на расстоянии от меня, но остался. Впрочем, любопытство и первичная эйфория от встречи не пересилили во мне подозрительность, что не раз спасала мою жизнь.

– Звучит как угроза. Так... вас там много? Ну, в городе, я имею в виду.

– Зачем ты раздеваешься? Холодно будет, – я предпочёл проигнорировать вопрос. Врать у меня получалось ужасно.

– Так будет проще расслабиться. Я уже целую вечность нормально не отдыхал, – он расстегнул рубашку, оставаясь в одной майке. – А чтобы холодно не было... Здесь есть это.

Мальчик потянулся к тряпкам на полу. Мне стало неприятно от одной мысли, что он собирается заворачиваться в это грязное тряпье, непонятно кем ношенное и непонятно для каких целей использовавшееся. Но моего нового знакомого несильно смущал запах или цвет тряпок.

Странно, неужели ему не холодно? Даже в куртке мне было зябко находиться в подвале, а он так спокойно сидит и не ёжится.

– Ты не представляешь, как сильно у меня болят ноги. Всё время в дороге без права передохнуть. Да, это очень сложно. В последнее время мне пришлось настрадаться.

Не похоже, чтобы мальчишка ждал от меня какого-то ответа. Он всё говорил и говорил своим тихим, но довольно грубым для подростка голосом, заставляя меня сосредоточиться. Я не запомнил всего сказанного, хоть слушал очень внимательно и даже в какой-то мере жадно. Каждое слово из чужих уст было для меня откровением.

– Так непривычно, – закончил он свой длинный монолог, когда я окончательно перестал понимать смысл его речи. – Может, мне стоит называть тебя Шоном?

Я сбросил оцепенение и с непониманием взглянул на него.

– Ну... имени ты своего не называешь, так что я могу называть тебя как угодно. И ты очень кудрявый. Как барашек из мультика.

– Во-первых, мои волосы – это не твоё дело. А во-вторых, при чём здесь Шон?

– Мультфильм такой был. Ладно, проехали. Я просто хотел разрядить обстановку.

– Не знаю таких мультиков.

– Ну и зря.

Он замолчал и поднёс левую руку к лицу, видимо, чтобы протереть глаза. Тут я и заметил бинты на предплечье. Меня это не на шутку встревожило, особенно если учесть судьбу так называемого отца мальчишки. Я рефлекторно потянулся к дробовику.

– Что это?

– М? – он напрягся, заметив мою реакцию, но вида не подал. – Эй, расслабься. Это ожог.

– Что-то мне подсказывает, что ты врешь.

– Не вру.

– Если ты укушен, то я пристрелю тебя быстрее, чем ты успеешь пикнуть.

Мальчик состроил обиженную гримасу и принялся развязывать бинты. С каждым туром его лицо становилось всё напряжённее, а я только крепче перехватывал дробовик. Наконец, пожелтевшая марля упала на тахту, обнажая сморщенную и отчего-то тёмную, почти чёрную кожу. Такое случилось на месте укуса, но следов зубов не было. Я специально подошёл поближе, чтобы убедиться в этом. Только шрам от ожога.

- У тебя вены на этой руке чёрные, как у заражённого. Как это?
- Ожогу лет пять. По-твоему, я бы смог прожить столько времени, будучи укушенным?
- Не смог бы.
- Тогда вопрос закрыт?
- Да. Извини.

Он мучительно вздохнул, подавляя дрожь. Закрыв глаза и прикрыл предплечье ладонью.

– Просто... больно вспоминать. Такое бывает.

– Поэтому бинтуешь?

– Да.

Мальчик спрятал бинты в карман джинсов и посмотрел на меня.

– Я немного поплюю, если ты не возражаешь.

– Спи.

Я не собирался ложиться. Нашёл себе занятие в составлении незаурядного текста, достав карандаш и блокнот. Спать рядом с незнакомым человеком – это самая большая глупость, которую возможно было допустить в моём положении. Но мальчишка, видимо, считал иначе. Оно и ясно: он выглядел уставшим. Лёг головой на подлокотник, накрылся тряпкой, будто одеялом, и закрыл глаза, нахмутив свои тонкие тёмные брови. В свете свечи его черты лица казались ещё мягче и плавней, даже чуть заметные следы грязи и крови не портили это.

Он выглядел совсем как ребёнок.

Запись вторая. Бандиты

Это была длинная ночь. В голову приходило столько мыслей, что, казалось, она вот-вот взорвётся. Я чувствовал себя ужасно измученным и неживым, как застывшая картинка. Подвальная комната вокруг меня превратилась в декорацию, а я стал актёром какого-то глупого фильма. Я даже видел себя со стороны, всего несколько минут, а потом качнулся, чуть не упав, и понял, что задремал. Этот короткий сон не принёс сил, лишь отобрал последние.

Первым же делом я попытался заглянуть в заклеенное картоном окошко под самым потолком. Темнота. Я отстранился, вслушиваясь в шорох за стеклом. Толстые стены не давали звукам не только выбираться наружу, но и проникать внутрь. Но мне всё равно стало жутко и тревожно. Пришлось вернуться на неудобный стул, потирая ладони, чтобы хоть немного согреться. И как этот мальчишка спокойно спит в одной майке? Будь я на его месте, просыпался бы каждые пятнадцать минут. Он же выглядел умиротворённо. Изредка вздрагивал, натягивал во сне «одеяло» и тихо сопел.

Когда же он проснётся?

Я с нетерпением ждал этого момента и при этом боялся, что он скоро наступит. Что делать? Что говорить? За год без людей я совсем разучился поддерживать разговор. От длинной болтовни у меня пересыхало в горле, я начинал заикаться и путаться в словах.

Нужно ли мне вообще что-то говорить?

Мысли загнали меня в уныние. Я потерялся в своих желаниях, в том, что «правильно» и «неправильно». Окончательно разболелась голова.

Хватит.

Остаётся только ждать. И я ждал. Принялся следить за медленно стекающим по свече воском. Скоро огонёк погаснет – в комнате станет совсем темно. Я не хотел оставаться в темноте. Прикрыл глаза, хоть знал, что могу опять задремать, и сосредоточился только на тактильных ощущениях. Провёл кончиком пальца по деревянному подлокотнику стула, представляя себя не здесь, а где-то там, в чуждом и далёком мне мире. В Италии, например. Я хотел бы вернуться в Италию, хоть знал: там не лучше. Но как бы я ни думал, как не представлял в голове реалистичные картинки, сознание возвращало меня в этот подвал. И причиной тому был не только незнакомец, мирно сопевший на тахте. Комната, запах сырости, тягучая меланхолия и даже этот дурацкий стул напоминали мне о том времени, когда я был ребёнком.

Тогда мне было десять – в этом я сомневался меньше, чем в собственном имени. Волосы не вились комичными пружинками по плечам, а были строго по-мальчишески подстрижены.

Я помню тот вечер, тот тёплый летний вечер, когда мы приехали в Виллсайд. Сюда меня привезла семья, но не моя: чужие люди, сжалившиеся над плачущим в толпе мальчиком. Думали, что передадут меня в лагерь выживших, в то самое место, куда эвакуировали людей из больших городов. Но в Виллсайте никакого лагеря не оказалось. Конечно, тогда я был в отчаянии. Сейчас же я понимаю, что не случись моя бессмысленная поездка в Виллсайд, мне бы никогда не повстречался Освальд.

В прошлом Освальд был военным. У него было двое детей и жена, с которой он уже семь лет находился в разводе. Детей он почти не видел и потому очень скучал по ним. Хоть на первый взгляд Освальд казался строгим мужчиной, в душе он оставался тем весёлым дядюшкой, который раздавал детям конфеты и рассказывал по вечерам истории из жизни. Справедливости ради стоит отметить: дисциплину он ставил на первое место. Сладкое? С радостью, но только после обеда. Байки у костра? Конечно, но строго в девять отбой. Этой дисциплине он пытался научить и меня. Но я был другим. Слишком слабым, слишком миролюбивым.

Наверное, Освальд злился на меня. Злился, когда я потерял голос из-за пережитого ужаса. Злился, когда я плакал по ночам. Злился, когда дрожали мои руки, держа пистолет.

Но он никогда этого не показывал. Говорил, что верит в меня. Что однажды я буду жить в новом мире.

~~Он говорил, что я стану настоящим мужчиной.~~

Но я подвёл его. После его смерти я двигаюсь по инерции и уже не могу остановиться.

Свеча погасла. Я открыл глаза, потянулся, разминая затёкшие конечности. Сейчас я больше всего надеялся, что наступило утро. Верно, утро – это то, что я привык ненавидеть. Но сегодня не будет похоже на привычные для меня дни. А потому следует проверить.

Под тихий стук разбитой местами плитки я подошёл к двери, открыл её и поднялся на первый этаж. Чуть заметные пылинки парили в воздухе. Свет падал сквозь трещины на стекле, образуя причудливую паутинку на плитке. Похоже, ночью шёл дождь – на подоконнике остались следы от стекавшей сюда воды. Что ж, сейчас где-то девять утра. Пора выдвигаться.

Я спустился обратно в подвал.

– Не думал, что ты вернёшься, – раздался уже знакомый голос.

Я встрепенулся, застывая на пороге. Как можно было не заметить пробуждения мальчишки?

– Давно не спишь? – вопросом ответил я.

– С того момента, как ты ушёл.

– Проверял улицу, – пояснил я. – Там безопасно. Можешь идти.

Сегодня мальчик был другим. Во всяком случае, мне так показалось. Он выглядел бодрым, хоть всё ещё имел заspanный вид. Но дело было не только во внешности: из его поведения исчезло напряжение; сегодня передо мной предстал самый обычный подросток. Чумазый, худой и очень бледный, но всё-таки подросток.

Я почувствовал укол совести. Неужели я и вправду хотел его бросить лишь потому, что он чужак?

Я идиот. Я самый большой идиот на свете. Моя паранойя однажды сыграет со мной злую шутку.

Вот уже год, как я остался один. Долгий год безысходности и скорби. Я томился в своей клетке гребаный год. И самое страшное, что буду продолжать томиться. Он ведь ясно дал мне понять, что не намерен оставаться в Виллсайте. Да и собираюсь ли я его останавливать? Нет, конечно. Вряд ли бы мне хватило сил привести незнакомого человека домой.

~~Неважно, как сильно я того хочу.~~

Однажды я сумею найти исправный транспорт и уеду отсюда. И в мои планы точно не входит этот мальчишка. Он станет обузой.

– Заснул, что ли?

– Я просто... неважно. Так ты знаешь, куда идти?

К моему удивлению, он был уже одет. Сидел на тахте и туго шнуровал сапог, не поднимая головы.

– Не совсем. Переживаешь?

– Если только за себя.

– Раз ты такой тревожный, может, проводишь меня до моста?

Проводить? Вообще-то, у меня было много работы. Я потерял много времени и всё, чего хотел сейчас – это прийти домой и упасть в любимое кресло.

Но...

Мне было необходимо убедиться в том, что он действительно свалит из города, а не выследит мой дом, добудет оружие, возьмёт с собой парочку опасных личностей и завалится, чтобы ограбить.

Я точно параноик. Или просто пытаюсь оправдаться.

Вдруг мне действительно важно провести ещё пару часов рядом с живым человеком? Скажи, Освальд, ты бы осудил меня за этот порыв?

~~Я сам себе самый строгий судья.~~

– Ладно.

– Ладно? Не думал, что ты так быстро согласишься. Пойдём?

Ему было и невдомёк, как трудно далось мне это решение. Каждое решение давалось мне безумно трудно.

– Пойдём.

Мы выбрались из музея. Странно было ощущать себя за пределами дома в такую рань. На улицах, как то часто бывало, стоял туман. Он не лишал видимости (я мог разглядеть улицу впереди), а лишь оседал смутной дымкой на волосах.

– Здесь так спокойно. Непривычное чувство.

– Я бы так не сказал. Нельзя приравнять тишину к спокойствию.

– Ты не понимаешь. Я прошёл полстраны пешком и многое повидал, но такого не чувствовал уже давно. Будто бы люди только-только покинули дома. Вещи валяются прямо на полу, в некоторых зданиях даже стёкла уцелели. Время застыло в этом городе.

– А в других городах... не так?

– Издеваешься? Многие города исчезли с карты мира. Всё, что осталось – это пыль, руины и писк счётчиков Гейгера.

Я опешил. Нет, конечно, я знал, что военные пытались избавиться от заражённых любыми способами, но это... переходило все границы.

– Почему? – спросил я в замешательстве. Взгляд мальчика ясно дал понять, что он считает меня как минимум дураком.

– Почему? Как давно ты выходил из дома? – он вздохнул. – Чтобы избавиться от самых крупных очагов заражения. Такая участь постигла многие города. Мой родной город разбомбили у меня на глазах. Помню то утро, когда проснулся от оглушительного звона в ушах, а потом... Я был уже далеко за чертой, но ощущал это всё так, будто стою на одной из улиц. Сколько бы миль ни разделяли меня от взрыва, я всё равно никогда не забуду... огненное облако, волной идущее в разные стороны. Теперь я не смогу вернуться домой. Разве что лет через двести...

Мы шли непривычно медленно, но уже добрались до соседней улицы. Быть может, я просто увлёкся разговором. Мне было приятно слушать его текучий голос, пусть даже он говорил о пугающих вещах.

– Ясно.

– Это всё, что ты можешь сказать?

Я потупил взгляд.

– А что ты от меня ждал?

– Ничего не ждал. Но неужели тебе неинтересно?

– Не хочу забивать себе голову. У меня хватает проблем.

Он недовольно цыкнул, а я ускорил шаг.

– Слушай, я ведь стараюсь, рассказываю... Эй, да не беги ты так! Лейтхилл от нас никуда не денется.

– Я и не спешу в Лейтхилл.

– Всё ясно. Я тебя раздражаю? Знаешь, всё равно мы вот-вот расстанемся... Ты меня тоже бесишь. Чёрствый и скучный.

Этот ребёнок явно начинает меня раздражать. Откуда в нём столько презрительности? Неужели он считает меня чёрствым? Только сейчас я сумел разглядеть, сколько высокомерия выдавали его ужимки и странные взгляды. Едва достаёт мне до плеча, а ведёт себя как... Да кто он вообще такой? Вчера он был гораздо вежливее.

– Откуда такие выводы?

– Я наблюдательный.

– На самом деле, мог хотя бы «спасибо» сказать за то, что я тебя приютил. Я не благородный дядя, который подбирает кого попало.

– Не за что.

Я хотел возмутиться, но шум позади себя заставил закрыть рот, запинаясь на полуслове. Это... звук работающего двигателя?

– В чём дело?

– Помолчи.

Мальчик хотел возмутиться, но я зажал ему рот рукой и потащил за первый попавшийся дом. Он принялся брыкаться и даже попытался укусить меня – в этот момент звуки приближающихся машин стали отчётливо слышны, и мальчишка прекратил попытки высвободиться, испуганно смотря на меня.

Машин было несколько. Две, три или даже четыре. Они совсем близко. Так близко, что шум мотора заглушил моё сердцебиение.

Я опустил на корточки, пытаюсь придумать план действий. Сосредоточиться никак не получалось. Шорох травы, громкое дыхание мальчишки и карканье ворон вдалеке – всё сбивало меня с мысли. С каждой секундой паника охватывала меня. Хотелось хорошенько врезать незадачливому спутнику, лишь бы он прекратил *так* плясать на меня. Взяв себя в руки, я медленно выглянул из-за угла дома.

Три внедорожника, очень смахивающие на армейские. Но люди в них точно не были военными. С такого расстояния я смог насчитать восьмерых. И все они вооружены до зубов. Последним двигался побитый временем пикап, возраст которого с лихвой компенсировался наличием пулемёта в кузове.

Я отвернулся, хватая своего нового знакомого за запястье. Оно было таким тонким, что я мог обхватить обе его руки своей ладонью. Мальчик дёрнулся, но не стал сопротивляться.

– Кто эти люди? – тихо спросил я, сдерживая порыв приставить к его голове пушку.

– Я не знаю.

– Врёшь. Знаешь, я слабо верю в совпадения. Вчера заявляешься ты со своим отцом, сегодня эти... Странно, правда?

– Я говорю правду, – он прикусил губу. – Пожалуйста... я не знаю их. Они какие-то бандиты, а я... Разве я похож на бандита?

– Тогда почему они появились в городе тогда же, когда и ты?

– Откуда мне знать?

– Всё. Хватит. Я не хочу из-за тебя умереть.

– Но я здесь ни при чём!

– Здесь наши пути расходятся.

– Подожди, пожалуйста. Эти головорезы разъезжают по городу в своих крутых тачках, а ты выгоняешь меня?

– Хватит давить мне на жалость. Считай меня бездушным, но с меня хватит твоего общества.

– Они же убьют меня!

– Не моя проблема. Ты мне ни брат и ни друг.

Поднявшись на ноги, я ещё раз заглянул за угол. Никого. Значит, поехали к главной площади. У меня есть время спрятаться.

Я скинул с себя сумку (не нужны мне его вещи), взял в руки дробовик и равнодушно пошёл во дворы. Спуститься по лестнице, перейти дорогу – я уже буду дома. Главное, не попасться им на глаза.

– Подожди. Эй, ты куда? – мальчик тут же подскочил со своего места, подбирая брошенную мной сумку. – Ты не можешь вот так просто взять и уйти!

За что мне это наказание?

– Эй, придурок кудрявый!

Просто не обращать внимания.

– Я с тобой разговариваю!

Неужели он не понимает, что привлечёт к себе внимание?

– Ладно. Вали. Только не забывай: я могу рассказать этим мужикам, что в городе есть ещё ты. Поверь, они не откажутся лишний раз поживиться.

Сосчитать до пяти и успокоиться. Он просто действует мне на нервы.

Я остановился у самого края лестницы. Сломанные бетонные ступеньки вели вниз, к бывшему пешеходному переходу. Единственное напоминание о нём – дорожный знак с красным треугольником. Пыльный, заржавевший, готовый рассыпаться под гнётом дождей и времени. Такой же, как и перила лестницы, что со временем превратились в острые штыки, торчащие в разные стороны.

– Я заметил, как ты трусливо поджал хвост, когда увидел экипировку этих ребят. Для маленького безоружного мальчика ты крутой, а их испугался?! Не думай, что в этом городе два на два так сложно отыскать твоё укрытие. Ты же живёшь один, да?

– Ну ты и с... засранец.

– А мне терять нечего.

Чтоб я ещё раз подобрал незнакомого мне человека. Получите и распишитесь: благодарность в чистом виде.

– Уйди по-хорошему, а.

– Не уйду.

– Твой выбор.

Я слышал, как он остановился прямо у меня за спиной. Пронзал своим острым взглядом. Вот только я тоже не зря жил все эти годы: развернулся и со всей силы ударил его прикладом дробовика в живот. Мальчик согнулся, но вдруг вцепился в ружьё, кривя губы от боли.

Я не хотел убивать его или причинять серьёзные увечья. В тот момент я действовал на уровне рефлексов. Схватил его за рукав рубашки и толкнул, чтобы сохранить в своих руках оружие. Я не заметил, что мы стояли на самом краю лестницы. Я просто не понял этого.

Он полетел вниз слишком быстро. Ещё в воздухе умудрился уйти чуть в сторону, чтобы покатиться по склону, а не по бетонным ступеням. Его реакции можно было позавидовать.

Я стоял как вкопанный, осознавая, что мог убить его. Он бы свернул шею или...

Вдруг из его рта вырвался протяжный стон боли – мне стало по-настоящему жутко. Я увидел, что он остановился где-то на середине. Не сразу понял почему. А потом заметил окровавленный прут, торчащий из его бедра.

Я чуть не убил его. В этот момент я не боялся бандитов. Боялся стать виновником чужой смерти.

Опять.

Я побежал по склону, чуть не поскользнувшись на мокрой от росы траве. Остановился рядом с ним, дотронулся до плеча. Он лежал на животе и дрожал всем телом.

– Ты... как?

Ужасно глупый вопрос, но мне нужно было убедиться, что он в сознании.

– А-а-агх... Н-нога.

– Сейчас, я сейчас что-нибудь придумаю. Обещаю.

Трясущимися руками я потянулся к своему рюкзаку. У меня была аптечка... Я всегда брал её с собой. Не мог не брать.

– Я не могу больше...

– Терпи. Только не теряй сознание, ладно?

Аптечка, вот она. Я прижал к себе маленькую зелёную коробку, тяжело сглатывая. Я делал это не один раз. Теперь самое главное – не сделать хуже.

– Эй, мальчик... Мальчик, ты меня слышишь?

– Не глухой. Вы... вытащи меня отсюда, пожалуйста.

– Будет больно.

– Да сделай ты уже хоть что-нибудь!

Я обошёл его. Надо лишь чуть-чуть приподнять ногу. Нет времени для сомнений.

Вдох-выдох. Ты не имеешь права сомневаться.

Честно сказать, я смутно помню, как поднимал его. Завёл одну руку за талию, второй, кажется, обхватил колено. Каждый дюйм отдавался давящим гулом в голове и сдавленным криком мальчика. Он закусил руку и крепко зажмурился, а я был удивлён, как он до сих пор не потерял сознание от шока.

Потом... потом я осознал, что мальчик уже лежит на спине рядом со ржавым, окровавленным прутом. И все мои руки были в этой тёмно-багровой, как поздний закат, крови. И кровь ручейком лилась из его раны.

Паника подступила к горлу. Пришлось зажмуриться, сделать несколько ровных глубоких вдохов и выдохов, чтобы побороть страх.

Я вновь открыл глаза и увидел, как он сдерживает порыв заплакать. Его трясло, а всё лицо стало бледным, как полотно бумаги, даже губы не выделялись среди этого страшного выражения боли.

– Держись?

Он пробормотал что-то невразумительное.

Рано расслабляться. Я расстегнул ремень и сел рядом с мальчиком. Перетянул ногу возле раны, крепко закрепил импровизированный жгут. Я не был уверен в правильности своих действий, но мной руководил страх. В аптечке нашлись бинты и небольшая стеклянная бутылочка спирта. Я оторвал кусок бинта, открутил крышку, вдыхая резкий запах. Кажется, этот запах почувствовал даже мальчик. Он посмотрел на меня своим затуманенным взглядом и что-то пролепетал. Я не сразу смог расслышать его слова.

– Что... ты...

– Пытаюсь спасти тебе жизнь. Ты мог пробить артерию, но считай, что удача на твоей стороне.

– Это? – он указал на бутылочку.

– Спирт.

Быстрее, чем я успел среагировать, он выхватил бутылочку из рук и сделал жадный глоток, будто не пил несколько дней. Тут же закашлялся, закрывая ладонью рот.

– Какого?.. Что ты творишь?

– Обезболиваю.

Мальчик обессиленно откинулся на траву. Не знаю, почувствовал ли он облегчение, но его внешний вид стал ещё болезненней. Я отобрал у него бутылочку, смочил бинт и принялся аккуратно обрабатывать неровные края раны. Грязная ткань джинсов сильно мешалась – пришлось разрезать штанину, подавляя слабые протесты со стороны мальчишки. А что ещё мне оставалось делать? Я же не мог притащить его домой и...

Или мог?

Что он будет делать, не в состоянии даже подняться, не то что дойти до Лейтхилла?

– Б-больно... прекрати.

– Терпи. Этого всё равно недостаточно, – я туго перевязал рану бинтами, следя за тем, как они медленно окрашиваются в красный цвет. – Слушай... Дома у меня есть хлоргексидин. Я успею... Нет-нет, подожди. Только не теряй сознание. Нет...

Я схватился за голову, не замечая, как на щеках и волосах остаётся кровавый шлейф. Неживое лицо, искажённое болью, навсегда останется в моей памяти. Его глаза закрылись без воли, и будто в последний раз я услышал тихий вздох. Но... я чувствовал: он дышал. Он жив. Жив. А вот я себя живым не чувствовал.

Следовало принять решение без сомнений и сожалений. И я принял его.

Потянулся к мальчишке, приподнял хрупкое (меня даже посетила мысль, что я нечаянно могу сломать его) тело. Он оказался тяжелее, чем я представлял. А на первый взгляд – кожа да кости. Пришлось даже оставить его вещи здесь, в зарослях травы рядом с лестницей. Я решил, что заберу их позже. А сейчас мне нужно добраться до дома и привести его в чувство. Убедиться, что с ним всё будет в порядке.

Что моей вины здесь нет.

Дорога до дома не принесла новых приключений (и славно). Я совсем позабыл о бандитах, разгуливающих по дорогам города, оставил бдительность позади. Оно и к лучшему: медлить в положении мальчика было нельзя. Даже если жгут остановит кровотечение, рана может загноиться, и тогда мальчик лишится ноги.

– Не переживай, я... я знаю, что делаю.

Я выбрал первую попавшуюся дверь на втором этаже. Эта комната раньше принадлежала близнецам. Чарли и Дерек. Они были старше меня на пять лет. Постоянно донимали и доводили до слёз, хоть, честно признаться, порой Дерек мог быть милым. Но это в прошлом.

Я положил мальчика на ближайшую кровать. Его голова безвольно наклонилась вбок: он так и не пришёл в себя. Я скинул рюкзак на пол, вышел в коридор и направился в ванную. Опустил руки в воду, стараясь как можно быстрее смыть с себя кровь. Я тёр ладони, не в состоянии остановиться до тех пор, пока вода не окрасилась в грязно-багровый цвет. Моё минутное помешательство отразилось в зеркале. Станный человек с бегающим взглядом и дрожащими руками. Неужели это я?

Из шкафчика под раковиной я выскреб последние бутылочки с антисептиком. Взял шприц, тубик мази, салфетки и чистые бинты. Вернулся в комнату, поставил всё это на тумбу у кровати и взглянул на лежащего. Глаза его были приоткрыты – с каждой секундой взгляд становился всё осмысленнее. Я не хотел ничего говорить. Мне хотелось покончить с этим как можно быстрее. Поэтому я молча разрезал окровавленные бинты, выкинул их на пол и набрал антисептик в шприц. Мальчик не подавал признаков жизни до тех пор, пока прозрачная жидкость не коснулась разорванной плоти. Он вскрикнул и вцепился мне в руку, держащую шприц. Я не собирался останавливаться, хоть его длинные ногти до боли впились в кожу, оставляя синяки. Он закусил губу и выгнулся.

– Терпи, – холодно сказал я. – Рана сквозная, придётся помучаться.

Я повторил процедуру ещё раз. Потом дал ему перевести дух и нанёс тонкий слой мази с обеих сторон. Закрепил салфетками и новой тугой повязкой.

На нём не было лица. Теперь я в полной мере прочувствовал это выражение. От утрешнего высокомерия и хитрого прищура не осталось и следа. Черты лица стали невыразительными, практически незаметными на белом полотне, именуемым лицом. Впрочем, стоит отдать должное: за всё время мальчик ни разу не заплакал. Удивительная выдержка для человека, тем более такого юного.

– Где... я?

– Я принёс тебя домой. Ты отключился у лестницы.

Он сморщился, сжимая в ладонях покрывало.

– Мои вещи... Где?

– Оставил их там.

– Что? – трясущимися губами прошептал он.

– Ну прости, мне было довольно тяжело.

- Он... Они найдут.
- Бандиты?
- Д-да. Они поймут... что в городе не одни, – он скосил взгляд на меня. – Найдут нас.
- Не найдут.
- Но...
- Я заберу твой рюкзак, если это так важно.
- Ладно.

Он откинулся на кровать, прикрыл глаза ладонью. Светлые волосы рассыпались по подушке, будто пожелтевшая солома. Я позволил себе немного понаблюдать за ним, а затем достал из шкафа одеяло, помог снять обувь и жилет. Каждое движение сопровождалось приглушёнными ругательствами и стонами. Болью. Но мальчик не хотел показывать свои страдания постороннему человеку, поэтому забрался под одеяло и отвернул голову к стенке.

- Я пойду за вещами, пока не стемнело. Не вставай с кровати, ладно?
- В моём положении только бегать, – съязвил он.

Я покачал головой, накинул на плечо рюкзак и вышел из комнаты.

Перед тем как закрыть дверь, я услышал тихий вздох, ужасно напоминающий сдавленное «спасибо». Может, мне это послышалось?

Но от этого слова мне стало тепло на душе.

Мне понадобилось всего десять минут, чтобы добраться до вещей. К счастью, они были не тронуты. Следов бандитов также не было. Воодушевлённый лёгкой победой, я поспешил домой, но всё оказалось далеко не так просто. Уже на полпути, когда я сворачивал к дороге, ведущей в частный сектор, раздался рёв мотора, приглушающий громкие мужские голоса.

Я спрятался за покосившимся забором среди деревянных коробок и прочего мусора и затаил дыхание. На этот раз машина двигалась одна. Она остановилась, и из неё вывалилась группа людей. Насколько я мог судить сквозь щель в заборе, то было шестеро коренастых мужчин с оружием в руках, четверо из которых двинулись в сторону двухэтажных квартирных домов (туда, к слову, и вела злосчастная лестница), а двое направились в мою сторону.

Я напрягся и лёг плашмя на землю, стараясь не шуметь. Холодная трава неприятно щекотала лицо. Себе я поклялся: если заметят, то живым не дамся. Буду сражаться до последнего. В душе, я, конечно же, надеялся, что до этого не дойдёт.

– Думаешь, он ещё здесь? – послышался голос одного из мужчин. – Он может прятаться где угодно. Как иголка в стоге сена. Только зря время теряем.

Внутри меня всё похолодело. Естественно, я принял эти слова на свой счёт, но, пораскинув мозгами, понял: о моём присутствии знать они не могут. Но тогда о ком? О... мальчике?

– Джонсон настроен серьёзно, так что для него это не преграда, – ответил другой. – Для него найти засранца – дело чести.

– Интересно, что же между ними на самом деле произошло...

– Не нашего ума дело, Уилл. Айзек по-любому ещё в городе, а мальчишка с ним. Поймаем – тогда и будешь вопросы задавать.

– Кому?

– Айзеку, конечно.

– Ха-ха, этот расскажет. Да Джонсон его лично заткнёт. Погубил его мальчик, ой, погубил.

– Сам виноват: раньше нужно было соображать. Или ты думаешь, что Ал...

– Эй, смотри, – перебил его бандит. – Там у лестницы парни что-то нашли.

– Похоже, кровь.

Я позволил себе набрать воздух в лёгкие и порывисто выдохнуть, стоило им отойти. Теперь не было сомнений: он мне соврал. Даже лёжа на постели в моём доме, продолжал лгать своими дрожащими белыми губами.

Как. Он. Посмел.

Я тоже хорош. Позволил обмануться. Я даже не знал, на кого злюсь больше: на мальчишку или самого себя. Что ещё можно было ожидать от незнакомца? Освальд ведь учил, что нельзя доверять. Никому, кроме себя.

Заставив себя молча проглотить гнев, я пополз по траве в сторону дома. Земля обжигала холодом, но для меня было главным лишь то, что эти люди не заметили моего присутствия.

И только у дома я вновь вспомнил, что предстоит нелёгкий разговор. Вряд ли это закончится чем-то хорошим. Но я был обязан выяснить всю правду. Любым способом.

Когда я зашёл в комнату, увидел его сидящим на кровати. Он смотрел в окно (единственное в доме не заколоченное досками) и крутил в руках зелёный игральный кубик.

– Талисман, – пояснил он, почувствовав мой вопросительный взгляд. – А у тебя тут уютно.

Я слабо кивнул. Бросил на матрас его рюкзак и скрестил руки на груди, стараясь сохранять спокойствие.

– Ничего не хочешь мне сказать?

Повернувшись, он посмотрел на меня с выражением полного безразличия.

– Спасибо.

– Я не об этом. Не хочешь рассказать мне правду? Кто эти люди и почему они преследуют тебя?

– Не понимаю.

– Нет, ты всё прекрасно понимаешь. Я знаю, кого на самом деле ищут бандиты. И я не собираюсь подставляться под удар из-за двуличного мальчишки вроде тебя.

Он потупил взгляд.

– Оу, вот как.

– Это всё, что ты можешь сказать?

– Ну да.

Злость накрыла меня с головой. Неужели он не понимает, какие последствия могут ожидать? Это же не шайка мародёров, а вооружённая до зубов банда!

– В таком случае я просто выкину тебя отсюда. И не стоит меня шантажировать: ты всё равно не знаешь, где находится мой дом. Завяжу тебе глаза и оставлю под деревом. И мне будет плевать, что с тобой станет.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Для начала правду. Вряд ли моё отношение к тебе изменится, но этого будет достаточно, чтобы не выкинуть тебя на улицу с дыркой в ноге. Пока что.

Он подпёр голову рукой и вздохнул, будто я для него назойливая муха, мешающая заснуть.

– Эм... Я просто не узнал их сразу. Да и шантажировать тебя я не хотел – ты сам меня вынудил.

Его слова стали последней каплей. За один шаг я преодолел разделяющее нас расстояние и схватил мальчика за волосы на затылке, заставляя посмотреть мне в лицо. Он пискнул и сжал губы.

– Я не добрый дядя, который будет вечно носить тебя на руках. Ты мне никто, и я ничем тебе не обязан. Не вынуждай меня идти на преступление против совести.

– Отпусти.

– Кто ты такой? *На самом деле.*

– Не думаю, что ты готов к настолько длинному рассказу.

Как же он меня утомил. Я потянул его с кровати, заставляя упасть на пол. Но, кажется, он даже этого не заслужил. Прикусил губу, кривясь от боли, чтобы не закричать, и подтянул к себе больную ногу, с ненавистью смотря на меня.

– Что дальше? Организуешь пытку? – с вызовом бросил он, лишь бы пристыдить. Но мне не было стыдно.

– Я отнёсся к тебе как к человеку. Это единственное, о чём я жалею.

Не знаю, что в этой фразе заставило его помрачнеть и унять свою невыносимую наглость, но он тут же затих, пряча взгляд.

– Я человек, ясно? Может быть, не очень хороший. Но будь ты на моём месте, поступил бы так же.

– Не думаю.

– А думать и не надо. Если бы все вокруг думали, перед тем как что-то сделать, то может и эпидемия не случилась бы. И ты бы меня не принёс сюда. Застрелил прямо там, в подсобке. Но ты этого не сделал, потому что есть ещё что-то, кроме «думать». Ты поступил по совести. По зову морали. А я не верю морали, потому что постоянно оказываюсь в заднице, вроде этой. Да, я соврал тебе. Но ты и представить себе не можешь, сколько раз меня предавали. Я не хочу, чтобы это повторилось.

Я опустил на стул. Сформулировать ответ на такое душевное излияние было непросто. Он словно рассказал всё, не сказав ничего конкретного. А мне нужно было знать точно. *Всю правду.*

– Айзек – это ты или твой отец? Если он, конечно, твой отец.

– Нет, нет. Он... просто был близким мне человеком. Я сказал, что он мой отец, потому что...

– Хотел меня разжалобить?

– Когда у тебя нет физической силы, остаётся использовать любую особенность, чтобы выжить.

– Хорошо... То есть ладно, я могу это понять. Но...

– Я не думал, что задержусь в Виллсайте дольше двух дней. Для меня ты был всего лишь первым встречным. Безымянным. Я не чувствую вины. Я привык находиться среди людей, где убийства и ложь – это повседневное явление. Только сейчас я понимаю, что ты другой. Мне странно слышать, когда ты упрекаешь и злишься на это, а не... переходишь к каким-то радикальным действиям? Я не знаю. У меня болит голова и нога, я просто хочу вырубиться и пролежать так до завтрашнего дня. Ты можешь меня выгнать, но... Ты же ведь не хочешь этого, правда? Зачем ты тратил на меня медикаменты, если там, – он указал на окно, – меня убьют. В лучшем случае. Поверь, если ты сдашь меня Джонсону, то тебя в живых тоже не оставят. Я не буду говорить о тебе, но они всё равно поймут. Джонсон этим и отличается от остальных. У него есть голова, и он умеет ей пользоваться. Он не поверит, что я самостоятельно смог обработать рану.

Он уставился на меня так, что по моим рукам и спине пробежали мурашки. Это был взгляд взрослого, сознательного человека, а не того наглого мальчишки с улицы.

– Почему Джонсон ищет тебя? – спросил после короткой паузы.

– Я точно не знаю. Честно не знаю. Дело в Айзеке, но в подробности он меня не посвящал. Теперь, когда он мёртв, спрос будет с меня.

– Даже если они не найдут тебя здесь... Куда ты будешь идти дальше?

– Не знаю. Я просто бесцельно скитаюсь по городам и ищу что-то такое, что я смог бы назвать домом. Пока у меня получается плохо. Может, такое место просто не существует?

Странно, но во мне не осталось и следа злости. Тягучая печаль и капелька любопытства, но точно не злость.

– Меня зовут Алекс, – сказал мальчик. – Ты можешь меня ненавидеть. У тебя есть на это право.

Я молча кивнул. Поднялся, помог ему забраться на кровать. Он тут же распластался на матрасе, блаженно прикрывая глаза. Я заметил, что он всё ещё сжимает в ладонях тот

самый зелёный кубик. Мне даже стало интересно, откуда он, но спрашивать, разумеется, я не стал. Только хмуро (так получилось против моей воли) сказал:

– Я разрешу тебе остаться, пока нога не заживёт. Но когда ты сможешь ходить, тебе лучше воспользоваться этим и уйти.

– Ладно. Я уйду, но прежде хотелось бы узнать твоё имя.

Алекс (как непривычно мне это имя) посмотрел на меня, прищулив один глаз. Я не хотел называться, но это уже было как-то невежливо. Он же сказал своё имя.

– Фирмино.

– Чего? – он скривился. – Это ругательство или тебя называли в честь каких-то таблеток?

Нет, он всё-таки меня раздражает.

– У меня нормальное имя. Я итальянец.

– Ну, у тебя такой акцент, что грех не понять.

– Тогда зачем ты пытаешься меня оскорбить?

– Эй, я не оскорблял. Просто это дурацкое имя. На твоём месте я бы взял псевдоним.

– Если тебе что-то не нравится, то я с радостью покажу, где дверь.

– Не горячись. Мне не нравятся длинные имена. Буду называть тебя Фир. Пойдёт?

– Пойдёт.

– Тогда рад знакомству, Фир.

– Я тоже, – «наверное» добавил мысленно.

Он улыбнулся, а я молча вышел из комнаты.

Запись третья. Чердак

Порой мне хочется уехать отсюда. Не знаю, куда и зачем; я просто хочу держать руль прямо до тех пор, пока не упрусь в стены какого-нибудь города. Хочу начать жизнь с чистого листа. Собрать вещи в маленький чемоданчик, поставить кассету в рабочую магнитолу и не оглядываться. *Больше никогда.*

Почувствовать себя свободным и проникнуться эйфорией дороги... чего-то светлого, что ждёт меня в будущем. Откреститься от огорчений, боли, злости. Забыться. Стать тем, кем я всегда мечтал быть. Я точно знаю, что моё счастье не здесь. Но уйти отсюда я не могу.

На то много причин. Тёплый дом, вкусная еда, чувство безопасности и все мои воспоминания. Они здесь, спрятаны на чердаке под скатом крыши, где Освальд рассказывал мне истории о правителях Англии. На кухне у деревянного стола, где мы обедали и ужинали вместе. В гостиной рядом с креслом, где любила вязать миссис Бейтс. В моей маленькой комнатке, где с потолка сыпалась штукатурка. Я привязан к этому месту.

Иногда мне кажется, что я исчезну вместе с ним.

На самом деле мои мечтания не были такими нелепыми. Ходили слухи об общине выживших на севере страны. Поселение, нет, настоящий город, где люди занимаются повседневной рутинной: работают, смотрят телевизор, играют в карты, а по вечерам расслабляются в пабах. Высокие стены, электричество и целая куча военных. Там было абсолютно всё, о чём я мечтал. Но как туда попасть? Да и существует ли это место на самом деле?

Мечтать – значит страдать. Но я, подобно любому человеку, не мог не мечтать.

А появление мальчишки лишь сильнее раздражило моё воображение. Он говорил, что прошёл полстраны, верно? Может, он видел этот город? Он должен был знать. Обязан был знать хоть что-нибудь.

И я решил выпытать у него. Весь вчерашний день мальчик проспал; лишь утром и вечером, когда я приходил поменять повязку и дать обезболивающее, он поднимался с постели и обменивался со мной парочкой бессмысленных фраз. Говорил он без лишних эмоций, но я всё равно чувствовал холод в его голосе. У меня не было причин проявлять к нему симпатию, но его пренебрежение отчего-то удручало. Поэтому я решил попытаться сблизиться с ним. Я не хотел привыкать к нему или требовать этого взамен – мне просто хотелось разрушить тягучее напряжение. Вот и всё.

Подумав, что ему могут пригодиться костыли для свободного передвижения по дому, я прорылся весь вечер на чердаке, ведь точно помнил: они были где-то здесь. Костыли я смог отыскать, а вот нужные слова – нет.

Я надеялся сегодня выстроить с ним полноценный диалог. Попытаться. Мне несколько стыдно признаваться, но для этого я даже заранее подготовил темы для разговора и выписал их на листочек. Здесь были как нейтральные вопросы, так и довольно важные для меня. И первым по важности я, конечно же, поставил вопрос о городе на севере.

Сжимая список в руке, неся костыли под мышкой, я подошёл к двери и несколько раз постучался. Откликнулся он не сразу (видимо, я его разбудил), только через несколько минут пробурчал:

– Заходи.

Я зашёл в комнату, пряча смятый листок в кармане брюк, и вдруг растерялся, как маленький беспомощный мальчик. Мне стало неловко от этого пристального надменного взгляда. Всё-таки асоциальность сильно сказывалась на моём поведении – я вновь не знал, как начать разговор. Даже заранее заготовленные вопросы не помогли. К счастью, Алекс (я никак не могу привыкнуть к его имени) отличался болтливостью, поэтому начинать диалог первым мне не пришлось.

– Сегодня солнечный день, правда? – он кивнул на окно, которое я предусмотрительно зашторил.

– Да.

– Сейчас ведь осень. Дождь, грязь, серость. Ранний вечер и позднее утро. Туман, из-за которого мурашки по коже. Порой мне кажется, даже солнце надо мной светит по-другому. Тускло и блёкло. Ты когда-нибудь ощущал это?

Я замялся. Рассеянно протянул ему костыли, решив проигнорировать вопрос.

– Возьми.

– И с кем я разговариваю... – презренно бросил он, дотягиваясь до деревянной рукоятки. – Спасибо.

– Пользуйся. Если что, я могу подкрутить под твой рост.

Неловкость во мне нарастала ещё сильнее. Неужели так трудно просто вести себя как обычный человек? Оказывается, трудно. Особенно когда из твоей памяти стёрлись все черты этого «обычного человека».

– Думаю, пойдёт. Я никогда не ходил с помощью таких штук, – он с любопытством провёл пальцем по лакированной поверхности. – Забавно.

– Алекс.

– Да?

– Я... я просто хочу знать...

– Да? – Алекс посмотрел на меня, выразительно приподняв бровь. – Говори.

– Если тебе что-то понадобится, то... ты можешь сказать мне об этом. Я тебе не враг.

– Но и не друг. Ты же сам сказал: «Ты мне ни брат и ни друг, так почему я должен тебе помогать?» Ну, или что-то в этом роде.

– Тогда ситуация складывалась не в твою пользу, а теперь мы живём под одной крышей. Временно, но всё же, – я говорил уверенно, несмотря на внутреннюю растерянность. – Послушай, Александр, если тебе станет хуже или вновь понадобится помощь, то я имею право об этом знать. Я много думал за этот день и...

– Стоп. Как ты меня назвал?

Я смешался. Неужели опять ляпнул что-то не то?

– Эм... Александр?

– Меня зовут Алекс.

– Разве это не твоё полное имя?

– Что? Нет, конечно, нет. Просто «Алекс» без всяких импровизаций, ладно? Мы же хотим поладить, я правильно понимаю?

Его настойчивая интонация напоминала мне тон первого учителя математики. О да, я помнил его. Низкий мужчина со смешными усами, который подходил в упор так, что расстояние между моим лицом и его составляло всего пару дюймов, а затем начинал читать лекцию о правильном поведении. О том, что можно и нельзя делать. И говорил он это мед-лен-но, двигая губами подобно корове, жующей жвачку. Мне было противно и одновременно с тем хотелось рассмеяться. Но сейчас я не ощущал ни того ни другого. Мне было не по себе.

– Ладно. Просто Алекс.

– Вот и отличненько! – он улыбнулся, но на душе у меня всё равно было гадко.

– Отлично, – скептически произнёс я. – Раз тебе ничего не нужно, я устраю обход города.

– Уверен, что это хорошая идея?

– Лучше быть готовым к нападению, чем сидеть в неведении. Я действую тихо и быстро.

– Тогда удачи, – он упал обратно на подушку, подтянул к себе одеяло и широко зевнул. –

И всё же... будь осторожен.

– Буду. Не сомневайся.

Я так и не спросил его о том, что хотел. Молодец, Фирмино, ты упустил возможность узнать что-то важное. Глупо, так глупо... Я ударил кулаком в стену, пытаюсь успокоиться.

Пора приступать к делам.

Я спустился на первый этаж и открыл дверь, ведущую в мастерскую. Любимое место Освальда. Было когда-то. Он часто прятался здесь, среди инструментов, чтобы побыть наедине с тишиной. Прятался ото всех, даже от меня. После того как его не стало, мастерская превратилась в склад для всякого железного хлама вроде сломанной электротехники. Над верстаком, святой всех святых Освальда, кто-то повесил цветастые плакаты из журналов прошлого века, на которых были нарисованы фигуристые женщины. Понятия не имею, кто счёл эту идею хорошей, но порой у меня чесались руки сорвать плакаты и выкинуть в мусорный бак. Почему я так и не поступил? Не знаю.

Железный стеллаж, пластмассовые и деревянные коробки. Я знаю наизусть каждый уголок дома, но отчего-то всегда долго роюсь на полках, в поиске нужного инструмента.

Вот и сейчас я долго обыскивал мастерскую, чтобы найти кованый топор, который Освальд использовал для рубки леса. Он был совсем не похож на мой топорик для дров. Массивный, тяжёлый и очень-очень старый. Им никто не пользовался года три: повода на это не находилось. Забавно.

Нашёл я его в большом чёрном ящике, под органайзером с болтами. Провёл пальцем по острию топора, вспоминая, как мы ходили по весне в лес, чтобы нарубить древесины для новой мебели. Остро, прямо как в старые времена.

Забрав инструмент в рюкзак, я оделся теплее и вышел на улицу. Прошёл несколько улиц и остановился у дороги. Стояла мёртвая тишина, которая лишь сильнее сжимала мою голову в тиски. Город дышал привычным спокойствием, словно ничего и не произошло. Ни следа бандитов. Я бродил знакомыми дорогами ещё несколько десятков минут, не выходя за пределы пустынного частного сектора. Непохоже, чтобы кто-то посторонний бывал здесь, но беспокойство всё равно не отпускало меня.

Наконец, я наткнулся на небольшой клён, стоящий на обочине. Самый обычный клён средних размеров, чья листва была поражена паразитами. Я оценил толщину ствола и кивнул своим мыслям. Следовало действовать быстро. Расстегнув рюкзак, я достал топор. Он идеально лёг в мою ладонь. Благо что-то, а рубить деревья я умел. Замахнулся, ударил, и так снова и снова.

На дереве оставались глубокие разрубы, будто старые раны с неровными краями. В голове всплыла картинка: окровавленная нога Алекса и его измученное лицо с синими губами и впалыми веками. Я вдруг почувствовал головокружение. Страх и осознание. Как тогда, с Освальдом. Пистолет в моих руках и его крик. Перед глазами потемнело – я вновь занёс топор над головой и выронил его на землю, пытаюсь отдышаться. Согнулся пополам, подавляя приступы тошноты. Раньше меня часто мучили панические атаки. А сейчас... сейчас тревога была моим обычным состоянием. Наверное, я просто нуждаюсь в отдыхе. В давно забытом чувстве покоя.

Я буду самым большим счастливчиком на свете, если не сойду с ума до весны.

Отдышавшись, я принялся за работу. На этот раз успешно – клён послушно склонился передо мной. Послышался хруст, и дерево упало поперёк дороги, заграждая въезд. Теперь никто не посмеет даже приблизиться к моему дому. (Вряд ли бандиты станут петлять по тропинкам леса, лишь бы добраться до десятка очевидно заброшенных домиков).

Колючее чувство тревоги не отпускало. Вытерев пот со лба, я спрятал топор обратно в рюкзак. Теперь мне предстоит выполнить задачу в сто раз труднее рубки дерева. Разговор с Алексом. Я долго откладывал его, но мне необходимо сделать это. Я обязан.

Однако по возвращении домой, зайдя в его комнату, я обнаружил её пустой.

– Алекс! – позвал я.

Куда он мог уйти? То есть, конечно, уйти далеко он не мог, но... Я бросился в ванную. Никого. Пробежал коридор, спустился на первый этаж. От мальчишки и след простыл.

– Алекс, какого чёрта?

Внизу его тоже не было. Ни во дворе, ни на кухне, ни в гостиной. Нигде. Я вернулся к комнате, где в последний раз его видел. Постель не заправлена, рюкзак лежит на комод. Я немного успокоился: Алекс не ушёл бы без рюкзака. Тогда где он?

Выйдя из комнаты, я заметил приоткрытую дверь на чердак. Стоило догадаться. Я бесшумно поднялся по узкой лестнице в самой дальней части коридора и заглянул в щель. Мальчик сидел на коробке, держа что-то в руках, а рядом с ним были брошены костыли. Я подтолкнул дверь и зашёл внутрь, в душе вскипая от злости. Он не должен был видеть то, что здесь находится. Не смел касаться своими руками сокровищ памяти, запертых в самом дальнем углу дома.

– Что ты здесь делаешь? Я не разрешал тебе сюда заходить!

– Кто это? – он держал в руках деревянную рамку и пристально смотрел на фотографию в ней. – Кто эти люди?

Я опёрся о дверной косяк, не находя слов для ответа. Я не хотел, чтобы кто-то видел эти фотографии. Моя святыня была нагло осквернена мальчишкой, не имеющим и грамма уважения ко мне.

– Неважно. Уходи.

– Они... Твоя семья?

– Прошу тебя.

– Просто ответь на мой вопрос, и я уйду.

В горле пересохло. До сих пор лица на этом фото вызывали у меня горечь и щемящую тоску. А ведь тогда, стоя перед объективом камеры и слепо наслаждаясь моментом, я не мог представить, что ждёт впереди. Не мог представить, что рука Освальда, лежащая у меня на плече, уже никогда не взерошит мои волосы.

– Двенадцать, – тихо произнёс я, желая лишь поскорее отсюда уйти. – Нас было двенадцать человек.

Алекс провёл большим пальцем по глади слегка потрескавшегося стекла.

– Неужели не осталось никого, кроме тебя?

– Никого.

– И как давно ты живёшь один?

– Больше года. Ты обещал уйти, когда я отвечу на твой вопрос. Вопрос исчерпан. Тема закрыта.

Он не хотел уходить – я видел это. То ли из вежливости (хотя вряд ли она у него была), то ли из-за нежелания ругаться со мной, он выпустил из рук фотографию, ставя её на законное место.

– Так... это ты? Мелкий, в голубой рубашке, – он дождался моего короткого кивка. – Мило. Я серьёзно. Ты тут круто получился. Беззаботный ребёнок, который даже не задумывается, что ждёт его в будущем, – в голосе его появились нотки иронии, но в глазах отразилась печаль. – Он уверен: всё впереди. А потом он повзрослеет и поймёт, что дальше нет ничего, кроме пустоты, которую придётся заполнять своими руками. И в тот момент, когда он осознает это, детство закончится. Я прав?

Алекс нагнулся к коленям, опуская голову так, что длинная чёлка практически закрыла его лицо.

– Я знаю, каково чувствовать тоску по прошлому, по людям, оставшимся там, – продолжил он. – Чтобы с ними не произошло, я не стану говорить: «Мне жаль». Потому что это не так. Но я могу понять твои чувства.

Сквозь маленькое, круглое окошко падали редкие лучики, и оттого светлые волосы Алекса казались ещё светлее. В контрасте темноты чердака и этих редких лучей мальчик выглядел завораживающе, но я, занятый его словами, не мог оценить всей красоты картины. Забавно. Алекс, подобно выкинутой мной вещи, причиняющей боль одним своим существованием, сидел среди коробок и ящиков предыдущих жильцов дома. Но ведь он здесь. Ни картина и ни призрак. Настоящий человек.

– Я не люблю сюда возвращаться.

– Я понимаю. Но от этого не уйти, Фир.

Он замолчал. Потянулся к костылям, опёрся на них и поднялся с коробки, тихо охая. Я наблюдал за ним отстранённо, будто меня здесь и не было вовсе.

– Помочь?

– Сам.

Мелкая дрожь в руках и неловкий взгляд из-под чёлки. Алекс остановился у одной из коробок, быстро оценивая её содержимое, виднеющееся сквозь дыру в боковой стенке. Я видел, как задумчиво опустили его брови, и он повернул голову ко мне, с любопытством спрашивая:

– Там проигрыватель?

Музыка. Я позабыл, каково слушать любимые пластинки по вечерам. Они, как и всё остальное, пылились среди кучи мусора на чердаке.

– Да.

Он достал один из бумажных конвертов, в которых хранились пластики.

– Каунт Бэйси... Кто это?

– Пианист. Это джаз. Ты же знаешь, что такое джаз?

Алекс неуверенно кивнул.

– Когда-то давно я жил в поселении выживших. Там часто включали такую музыку.

– Я люблю джаз.

Слова сорвались с губ быстрее, чем я успел это понять. Я прикусил язык. Ляпнуть что-то личное в присутствии мальчика казалось огромной ошибкой, но вопреки моей настороженности, Алекс не придал словам большого значения.

– Почему тогда не слушаешь?

– Проигрыватель сломался.

– А починить никак?

– Я не разбираюсь в таких штуках.

– Я тоже, но я обожаю музыку – он улыбнулся. И раз уж я решил быть откровенным, то стоит отметить: улыбался Алекс по-особенному светло. Как маленький солнечный зайчик. – Я сочиняю песни.

– Даже так?

– Не веришь? Могу доказать. У тебя есть гитара?

Я обвёл чердак взглядом.

– Кажется, где-то была.

– Если найдёшь, дай знать. Музыка – это всё для меня. Когда мне грустно или страшно, я вспоминаю знакомые мотивы. Пусть немного, но становится легче.

– Вот как...

Я перевёл дыхание. Сейчас самый подходящий момент, чтобы расспросить Алекса о бандитах. Нельзя его упустить.

– Слушай, – неуверенно начал я. – Знаю, тебе тяжело пришлось в жизни. Нам всем, наверное, пришлось тяжело. Я понимаю, что есть такие вещи, которые нельзя рассказывать незнакомцам, но... Я хочу узнать тебя лучше. Хочу узнать о тех людях, которых ты назвал бандитами.

– Хочешь поговорить со мной?

– Вроде того.

– Оу... Без проблем. Только стоять на костылях немного утомительно.

– Точно, извини. Пойдём на кухню?

– Ну, я бы не отказался поесть. Жить на воде немного трудновато.

Издёвка в мою сторону? Чёрт, я ведь даже не предложил ему поесть!

Стуча пластмассовыми ножками костылей по полу, Алекс дошёл до двери. Несложно было заметить, как трудно давался ему каждый шаг. Он всё ещё выглядел болезненным, но во взгляде и словах появилась непривычная мне оживлённость. Похоже, он быстро адаптируется к новым условиям. Даже спуск по лестнице Алекс преодолел молча, ни разу не посмотрев в мою сторону. Он не нуждался в помощи. Он всё мог сделать сам.

– У тебя уютно и даже тепло, – сказал он, очутившись внизу. – А ещё пахнет вкусно. Я бы здесь жил.

Да, дом действительно можно было назвать уютным. Потому что этот дом когда-то принадлежал Освальду.

Много лет назад здесь, в углу гостиной, горела лампа, а в кресле спала маленькая дочь Освальда. Кажется, её звали Анна. Она любила резвиться и танцевать в гостиной, наблюдая за реакцией матери, готовящей яблочный пирог на кухне (гостиную и кухню разделяла лишь низкая перегородка). А после игр Анну ждал яблочный сок. «Она была помешана на этом фрукте», – говорил Освальд. Я никогда не видел её, но легко мог представить милую сцену из жизни некогда счастливой семьи.

– Ух ты ж! Я будто вернулся на семь лет назад, – воскликнул Алекс, доковыляв до кухни. – И этот намюртот прямо как в столовой Оплота!

– Ты хотел сказать «натюрморт»?

– Ой, да неважно. Я не большой ценитель искусства, хоть люблю рисовать, – он упал на стул и облегчённо выдохнул. – Помню, когда был совсем мелким, мне показывали разные картины моей тётки. Я смотрел на них, хлопая своими большими глазами, и думал лишь о том, как нравится мне запах этих картин. А ещё я ел масляные краски. Я был не очень умным ребёнком.

Я усмехнулся, заваривая чай на стеблях малины. Пахло и вправду вкусно.

– Что же заставило тебя поумнеть?

– Эпидемия, – коротко ответил он. – У меня просто не было выбора.

От моего любимого сервиза осталась только одна фарфоровая чашка, расписанная в японском стиле. Поэтому пил из неё я только по особым дням. Думаю, сегодня и был этот самый особый день. Для Алекса я достал старую кружку с котами. Один из котов, самый рыжий, нагло щурил глаз, усмехаясь надо мной.

– Помнишь что-нибудь из начала эпидемии? – спросил я.

Алекс замялся.

– Я был совсем мелким, когда это началось. Мой отец работал среди влиятельных дяденек в костюмах. Он был политиком... ну, знаешь, его крутили в новостях по телику. Помню, в тот день, обычный и ничем не примечательный день, его охранник забрал меня прямо из школы и увёз в бункер. Родителей там я не увидел, но заметил брата. Он учился в Военной Академии, и я был очень удивлён, что он бросил учёбу посреди семестра. То есть... неужели он решил прогулять занятия? На него это не было похоже. Меня отвели в длинную комнату, где у голых стен стояли трёхэтажные скрипучие кровати. Сказали, что теперь я должен здесь жить. Я ничего не понял, но спорить не стал. Занял местечко снизу. Потом нам выдали красные покрывала и белые наволочки, слишком большие для подушек. Они быстро пачкались и всего за пару дней становились серыми... По ночам у меня часто не выходило заснуть – приходилось пялиться в стену или тёмную пустоту. Или выдёргивать пух из подушки. Или разговаривать

с кем-нибудь, хоть с другими детьми из бункера я не ладил. Нас было человек сорок в комнате. Разных возрастов. Те, кто постарше, понимал, что проживание под землёй было устроено не просто так. А мы были маленькими и глупыми. Не верили им. Взрослые обещали: скоро кошмар закончится. Но он не заканчивался и не заканчивался. А я верил до самого конца. Так я прожил год или два... Я плохо помню, – он отвернулся к окну. – Я даже не понимал, что произошло что-то серьёзное. Не знал, что происходит снаружи. Пока я умирал от скуки среди бетонных стен, другие люди умирали от вируса. Мне было и невдомёк, пока я случайно не услышал сообщение по радио. Тогда я впервые узнал о заражённых людях.

Я поставил на стол тарелку, полную риса и тушёных грибов. Алекс тут же замолчал и жадным взглядом обвёл еду.

– Это мне? – спросил он вкрадчиво.

Стоило мне кивнуть, как Алекс мгновенно набросился на угощение. Он не жевал, с диким голодным взглядом поглощая еду из тарелки.

– Никто у тебя не отберёт, – произнёс я и с удивлением заметил, что тарелка наполовину пуста. – Не торопись. Расскажешь, что произошло потом?

Он что-то забубнил с набитым ртом, но я ничего не понял. Тогда он махнул рукой и продолжил есть, пока на тарелке не осталось и крошки.

– Хочешь узнать, почему я здесь? – спросил он, тыльной стороной ладони вытирая рот. – Потому что один из солдат принёс болезнь к нам в бункер. Вот и всё.

– Они не смогли защитить вас?

– Они? Военные, что ли? Не совсем так, на самом деле. Сложно объяснить, что тогда случилось... Для меня все эти дни – одна сплошная каша.

– А что насчёт твоих родителей?

– Я не хотел бы об этом говорить. Они в прошлом, – безэмоционально ответил Алекс. – Лучше расскажи, где ты научился так круто готовить! Я б и тарелку съел.

– Ты просто голодный.

– Голодный, но это не отменяет того факта, что ты хорошо готовишь. Я вот не умею готовить... Знаешь, однажды я съел какие-то ягоды в лесу и неделю ходить не мог! – он засмеялся, находя это забавным.

Я выдавил из себя лёгкое подобие улыбки и поставил перед ним кружку чая, садясь на стул рядом. Пряный запах малины заполнил маленькую кухню. Алекс, заметив чай, округлил глаза и уткнулся носом в кружку.

– Я в шоке, – заключил он. – Сто лет не пил ничего подобного. То есть пил, конечно, но оно по вкусу и запаху больше походило на...

– Можешь не продолжать, – я скривился. – Алекс, могу я задать ещё один вопрос?

Он оживился.

– Конечно.

– Ты много путешествовал, верно? Встречал ли ты на своём пути большие поселения? Скажем, что-то вроде города?

– Большинство таких поселений или перегрызли друг другу глотки, или перебрались далеко-далеко отсюда.

Внутри у меня всё упало. Неужели мои мечты оказались призрачными отголосками прошлой жизни?

– Но... ты упоминал какой-то «Оплот». Разве это не база выживших?

– Оплот – это глухая деревня на окраине страны, ограждённая колючей проволокой и несколькими рвами. Она прожила недолго.

– Я не верю, что в мире не осталось ни одного большого поселения.

– Я не говорил этого. Просто не припомню такого места неподалёку. Нет, конечно, есть одно, но туда я не сунусь.

– О чём ты?

– Новая Британия. Огромное место с армией.

Вот оно. То, о чём я так долго грезил.

– На севере?

– Типа того.

– И там... много людей? Власть?

– Ну да, наверное. Я там не был. Могу судить лишь из чужих рассказов.

Наверное, на моём лице слишком явно отразился восторг – Алекс нахмурился и всплеснул руками.

– Фирмино, забудь об этом. Мало того, что ты успеешь двести раз умереть, пока доберёшься туда, так ещё и попасть внутрь у тебя не получится. Туда не берут всех подряд. Они могут решить, что ты из враждебного лагеря или чего хуже... Побрезгуют тобой, ведь ты всю эпидемию провёл среди этой заразы. Для них приоритетней спасение «своих», чистых людей, которые всю жизнь просидели в бункере. Мы не такие, как они. Понимаешь, о чём я?

– Но я же не болен.

– Для них нет разницы. Никому не нужны лишние проблемы, Фир. Глупо думать иначе.

– Должен же быть какой-то выход. Ведь...

Я умолк. Отстранённо посмотрел в чашку, где на чайной глади отражалось моё лицо. Искажённое, кривое, почти незаметное.

– Как тебе не надоело, – прошептал я.

– Что?

– Как тебе не надоело скитаться по стране. Неужели ты никогда не был готов рискнуть всем, что у тебя есть, и просто попытаться... Найти способ вернуться к нормальной жизни среди людей. Ты же знаешь их местоположение, ты знаешь, что там есть всё, о чём можно только мечтать.

– Ты меня совсем не слушаешь.

– Я слушаю. Слушаю, ясно? Я никогда, никогда в своей жизни не поверю, что, – я запнулся, – что моя последняя надежда всё это время была глупостью. Должен быть способ попасть туда.

– Нет.

Он смотрел на меня косо, с осуждением скрестив руки на груди.

– Подожди...

– Хватит, Фир.

– Ты говоришь так, словно тебе нравится скитаться по мёртвым городам. Твой друг умер, и ты был близок к этому. А знаешь почему? Потому что нельзя выжить в одиночку.

– Но ты же жив!

Я поставил локти на стол и закрыл лицо ладонями.

– Может быть, – кожа под ладонями стала такой горячей, что я задумался: нет ли у меня жара. – Но я не уверен, что переживу зиму. Не уверен, что не сойду с ума. Не уверен, что однажды мой собственный разум не убьёт меня. Я поставил перед собой цель, и я буду следовать ей. Потому что иначе не выжить. А я сделаю всё для того, чтобы выжить.

На улице поднялся ветер – жёлтая занавеска всколыхнулась и вновь вернулась в привычное состояние. Я сгорбился на стуле, мрачно уткнулся в изрезанную клеёнку стола и не издавал ни звука, пытаюсь привести мысли в порядок. Он прав. Было глупо надеяться на лучшую жизнь.

Сотый раз на одни и те же грабли.

– Если хочешь знать, – Алекс выглядел спокойным, но взгляд его потемнел. – Я не могу жить с этими людьми. На меня идёт охота, и ты это знаешь, но проблема гораздо серьезнее. Намного серьезнее.

– В чём же?

Вздых.

– Во мне. Я мог быть не здесь, а там, за стенами. В Новой Британии. Но судьба за что-то разозлилась на меня.

– И как это связано с Джонсоном?

– Новая Британия – это последний островок старой власти. Когда она только начинала существовать, нашлись недовольные режимом люди. Те, кого бросили умирать из-за нехватки мест. Те, кто устал от беспорядков на улицах. Те, кто был сильным и мог за себя постоять. Эти люди решили, что всё старое должно остаться в старом мире.

– Вроде оппозиции? – спросил я, но заметив замешательство Алекса, пояснил: – Они против действующей власти.

– Да. Поначалу это была кучка недовольных ребят, но потом они переросли в полноценную группировку. Назвались СООБ. Северная организация освобождения Британии. В городе их считали бандитами и террористами.

– Джонсон оттуда, – догадался я.

– Да. Они были крутыми ребятами, но не учли одного: группировка не может существовать, если ей будут управлять сразу несколько лидеров. Съедаемая внутренними конфликтами, СООБ развалилась на мелкие банды. И пока Джонсон держится дольше других.

– Он такой «крутой», – усмехнулся я, – а гоняется за маленьким мальчиком? Стало быть, ты очень важен для него.

Алекс хихикнул и наклонился ко мне.

– Не только для него. Я вообще довольно популярная личность.

– И почему же ты такой особенный?

– Я особенный по многим критериям. Поживёшь – узнаешь.

Многое из его рассказа не было понятно мне. Я чувствовал: осталось что-то, что он утаил от меня. Но даже этой информации мне было достаточно.

Может быть, у меня ещё есть надежда. Не зря ведь я встретил Алекса.

Алексе. Возможно, он не так плох, как я думал в начале.

– Что ж, мистер особенность, – съязвил я, – вы воняете как мусорный бак.

– Просто мой новоиспечённый знакомый, будучи очень гостеприимным хозяином, не предложил мне даже тёплую воду и полотенце.

– Наглеешь.

– Нет, я всегда так себя веду.

– В таком случае я понимаю, почему все вокруг так хотят убить тебя.

Я отнёс грязную посуду в мойку, пока Алекс тихо кряхтел, пытаясь подняться. Когда он твёрдо встал на костыли, я предложил ему переодеться в мою старую одежду: кровавые подтёки на рубашке доставляли мало удовольствия. Да и шутки шутками, а помыться ему не мешало.

– Я не стану возражать, – ответил он на моё предложение.

Мы поднялись в ванную – маленькую комнатку с белой плиткой на стенах. Я нагрел немного воды и достал чистое полотенце из шкафчика под раковиной. Алекс же сел на край ванны и принялся растёгивать рубашку. Я видел усталость на его лице, желание поскорее вернуться в комнату и уснуть. Всё-таки потеря крови и глубокая рана на ноге давали о себе знать. Поэтому я не стал мешкать, молча пошёл в соседнюю комнату за своей старой одеждой, спрятанной за створкой верхней полки шкафа. По размеру ему пришлось многие вещи, но я выбрал только незаношенные, которые можно было пусть и с натяжкой, но назвать новыми. Среди этих вещей была чёрная футболка, которая никогда мне не нравилась, голубая толстовка и потёртые на коленях джинсы.

Когда я вернулся в ванную, Алекс уже был в одном нижнем белье. Равнодушно тёр руки от въевшейся в кожу грязи. Взгляд против моей воли остановился на его худом, но обрамлён-

ном многочисленными шрамами теле. Я никогда ещё не видел человека с таким количеством шрамов. Мне стало жутко. Сколько всего ему пришлось пережить за свои годы?

Почувствовав моё присутствие, Алекс саркастически улыбнулся.

– Любуешься?

Я смутился, но спрашивать про шрамы не стал.

– Одежду принёс. Думаю, тебе подойдёт.

– Сейчас проверим. А это, – он указал на свою старую одежду. – Выбрось или сожги.

Я взял рубашку в руки и коротко кивнул:

– Без проблем.

Тут мне в глаза бросилась странная нашивка на рукаве. Круглая, коричневая эмблема с заглавной буквой «Д».

– Что это значит? – поинтересовался я.

Реакция Алекса удивила меня: он побледнел и замер, но тут же опомнился и вновь вернул себе безмятежный вид.

– Футбольный клуб. Нашёл на одном разрушенном стадионе. Нравится?

– Не очень.

Что-то здесь явно было не так, но я решил не раздувать из мухи слона. В конце концов, он сам по себе очень странный мальчик.

– А меня забавляет.

Я скептически посмотрел на него и вышел из ванной, решив дождаться, когда он переоденется. Эта нашивка никак не давала мне покоя, лишняя раз подтверждая тот факт, что я жуткий параноик. Жалкий кусок ткани ведь не может причинить мне вред.

Не прошло и пяти минут, как за дверью послышался приглушённый стук по полу: левой-правой-левой. Я открыл дверь и застыл на пороге. Передо мной стоял столь невинный мальчик, что трудно было даже представить, какой скверный характер скрывается за его ангельским личиком. Я увидел в нём отражение того себя, что жил здесь несколько лет назад. Но он был другим, совсем на меня не похожим.

– Я чувствую себя глупо, – сказал он.

– Почему?

– Потому что ты опять смотришь на меня как на ребёнка. Я уже немаленький, Фир.

– Ну да, взрослый-взрослый.

– Эй, я серьёзно.

Вопреки своим словам, надулся он совсем по-детски.

– Порой, – начал он, посерьёзнев, – мы видим вещи такими, какими хотим их видеть. А потом злимся, если они оказываются совершенно иными. Этот образ, созданный нашими же руками, – ложь. И мы лжём с самого начала.

– Абзац из книги, что ли, выучил?

Он ещё раз внимательно посмотрел на меня и поковылял к своей комнате, бросив на прощание «спокойной ночи», хоть за окном ещё был день.

Запись четвёртая. Гитара

– Знаешь, что делает пастух перед сном? Считает овец!

Каждое моё утро начинается с этих глупых шуток. У меня они не вызывают ничего, кроме тяжёлого вздоха, а Алекс искренне заливается хохотом, рассказывая новый каламбур.

Прошла целая неделя с тех пор, как в мою жизнь ворвался блондинистый мальчишка. Неделя, наполненная постоянными ссорами. Да, мы всё ещё не слишком хорошо ладили. Он выводил меня из себя, и я легко срывался, пытаюсь научить этого маленького засранца манерам. Когда казалось, что он наконец-то решил прислушаться к моим словам, всё повторялось вновь.

Далеко ходить не надо: сегодня утром мы опять поругались на пустом месте. То есть, причина была, но всё же глупой нервотрёпки можно было избежать.

Сегодня Алекс находился в приподнятом настроении: без конца шутил (не скажу, что смешно), громко комментировал свои действия и смеялся. Мне, привыкшему к тишине, было некомфортно работать рядом с таким источником шума. Я шикнул на него, но он даже не обратил внимания.

– Фи-и-ир, а ты когда-нибудь летал на самолёте? – спросил он, одну за другой переворачивая страницы книги. Я дал ему что-то из классики, но не похоже, чтобы она была ему по нраву.

Я ответил утвердительно, но не стал вдаваться в подробности. По утрам я вообще не отличался желанием разговаривать.

– А на корабле плавал?

– На лодке.

– А на корабле?

– Может, ты займёшься книгой? – спросил я, подразумевая «молчи и читай».

Алекс замолчал. Он молчал долго (по меркам Алекса) – почти две минуты. Я наслаждался тишиной, приступая к чистке грибов, пока не услышал шелест вырываемых страниц.

– Эй, ты что делаешь?

– Читаю, – ответил он и продолжил с невозмутимым видом вырывать страницы из моей (моей!) книги.

Я за два шага оказался у дивана и выхватил несчастную книгу из рук этого несносного вредителя. Он сделал вид, будто не понял, в чём дело.

– Тебе кто разрешал так с книгами обращаться?! – вскипел я. – Тебе же ничего нельзя доверить!

– Я просто читал. Мне не понравилось.

– Но это не значит, что ты можешь вырывать листы.

– Я хотел как лучше. Зачем тебе тратить время на глупую и неинтересную пятую главу? Я сделал это за тебя и не хочу, чтобы ты повторял мои ошибки.

На секунду я замялся. Какие-то зачатки логики определённо были в его словах.

– Нельзя просто взять и вырвать то, что тебе не нравится.

– Но ты же так делаешь. Иначе зачем ты относишь все вещи на чердак?

Я хотел было возразить, но слова спутались в потоке возмущений. Вышло что-то совсем невнятное. Мне стало обидно: я не был способен толком возразить мальчишке.

– Ты ничего не понимаешь, – огрызнулся я, забирая книгу. – Хватит меня попрекать.

Алекс мерзко ухмыльнулся.

– Даже не пытался.

Он чувствовал себя победителем. Я сосчитал до десяти и вернулся к готовке. Но Алекс не хотел оставлять меня в покое.

- Скучно, – огласил он свой гениальный вердикт. – Можно я покормлю твоих курочек?
- Не смей подходить к животным. Ты их напугаешь.
- Брось, мне же надо хоть чем-то заняться.
- Займись.
- Чем? – он развёл руками. – Помнишь, что ты обещал мне гитару?
- На ней сохранилась только одна струна, – ответил я. – И та звучит ужасно.
- Невелика проблема. Я могу заменить струны. Мне уже приходилось делать это раньше.
- У меня нет струн.
- Есть гитара, но нет струн?

Я пожал плечами.

– Представь себе.

– Ладно... Они точно должны быть в городе. В Виллсайте много классного хлама. Бери сколько хочешь.

– Алекс, чтобы найти какую-то вещь нужно выйти в город. А там всё ещё орудуют бандиты, если ты не забыл.

– Джонсон? Он не станет сидеть на одном месте. Наверняка уже за сто миль отсюда. Прошло так много времени, а ты до сих пор боишься вытащить свою кудрявую голову за пределы дома?

– Я не вижу в этом смысла. Ты жить не сможешь без гитары?

– Да, не смогу!

Я повернулся к нему, стараясь как можно красноречивее выразить свои эмоции. Но Алекс проигнорировал мой взгляд и скрестил руки на груди, как будто это я отвлекал его от чего-то важного.

– Да что с тобой не так? – разозлился я. – Ты как будто с другой планеты прилетел. Может быть, раньше все вокруг баловали тебя, позволяя ставить детский каприз выше здравого смысла, но я не позволю командовать собой.

– Детский каприз? Я пытаюсь найти хоть что-нибудь хорошее во всём дерьме, которое случилось со мной. Ты понятия не имеешь, что я пережил.

– Если бы ты действительно был таким страдальцем, которого из себя строишь, то не вёл себя как тупой самодовольный подросток!

И вновь этот озлобленный взгляд из-под чёлки.

– Если бы я вёл себя как ты, то сдох бы от безысходности.

Я знал точно, что правота была на моей стороне, но он вновь заставил меня усомниться. И как у него это получалось? Впрочем, даже если бы меня заставили под дулом пистолета признать, что в его словах есть смысл, я бы не сумел это произнести вслух.

– Вот как? Поэтому ты не способен сделать ничего, кроме как доставить неприятности?

Не знаю, что именно задело его в моей фразе, но искажённое ненавистью выражение лица говорило само за себя.

– Да пошёл ты!

Он вскочил с дивана, хватая костыли, и с громким стуком пошёл прочь из гостиной. У меня был порыв бросить что-то обидное ему вслед, но я сдержался. В конце концов, я и вправду перегнул палку, но тогда ещё не ощущал это.

Не успел я налить воду в миску, как на лестнице что-то упало. Я покачал головой: неужели он считает, что если разнесёт мой дом вдребезги, то я начну относиться к нему иначе? Впрочем, через несколько минут грохот повторился, и на этот раз уже гораздо громче. Послышался жалобный всхлип.

– Я знаю твои фокусы. Хватит пытаться меня разжалобить.

Он не замолкал, будто готовый расплакаться. Только я слабо ему верил.

– Больше страсти, Александр. Ты же хочешь, чтобы мне стало плохо из-за своего... – я кинул в рот кусочек перца, – невежества.

Я вышел в коридор, с усмешкой наблюдая за мальчишкой, пытающимся изобразить великое страдание. О, да ему стоило идти в актёры! Голова запрокинута назад, руки впились в горло, а всё тело пронизано мелкой дрожью.

– Прекращай, – строго сказал я. – Уже не смешно.

Но Алекс меня не слышал. Он начал биться головой о пол, и тут я понял, что он совсем не притворяется.

– Алекс? Алекс!

Его зрачки расширились, и он мучительно захрипел. Я схватил его за плечи, начал трясти, не понимая, как следует поступить. Я пытался успокоить его судороги, но, кажется, делал только хуже.

Приступ закончился так же неожиданно, как и начался. Алекс беспомощно обмяк в моих руках и затих. Мне показалось, что он перестал дышать, но сквозь лёгкую дрожь я чувствовал, как опускается и поднимается его грудь.

– Ради всего святого, скажи, что ты меня слышишь!

Отуманенный взгляд застыл вдруг на моём лице.

– Ты...

– Алекс, ты понимаешь меня?

– Что? Нет-нет-нет, – он грубо оттолкнул меня. – Не трогай меня. Не подходи. Уйди. Уйди!

Я, поражённый, застыл на месте.

– Да что с тобой?

Но Алекс явно был не в себе. Он подскочил с пола и со всех ног бросился наверх, забыв про костыли. Я был так поражён произошедшим, что даже не задался вопросом, как ему вообще удалось так быстро взобраться по лестнице с повреждённой ногой.

Что с ним?

Когда оцепенение спало, я пришёл на кухню и попытался вернуться к готовке. Но делать вид, будто бы ничего не произошло, у меня получалось хуже всего. Я кинул тарелку на стол, не задумываясь, что она может разбиться, и взглянул на своё отражение в наполненной водой раковине. Я не видел *ничего*. Также пусто было и в моей душе.

У Алекса были не все дома. Это я понял уже давно, но сейчас... Да, он чокнутый, но я повёл себя просто ужасно. Зачем было глумиться над ним? Мне хотелось рвать волосы на голове от осознания собственной глупости. Почему я не мог просто смолчать?

Никогда раньше стены моего маленького дома не давили на меня так сильно. Я не мог найти себе места. Наверное, стоило подняться к Алексу, проверить его, но сейчас пойти туда для меня как самая страшная пытка. Я не хотел больше видеть эти безумные пожелтевшие глаза. Но и успокоиться я не мог.

Смута долго не хотела отпускать мой разум. Я ходил из угла в угол, как загнанный в клетку лев. В какой-то момент находиться здесь стало до такой степени невыносимо, что я забрал верхнюю одежду из прихожей и заперся в мастерской.

Я решил во что бы то ни стало найти эти чёртовы струны.

Я хотел убежать от всех своих мыслей.

Где же я мог найти струны для гитары? Вариантов у меня было не так уж и много. Я разложил на стол карту и принялся думать. Единственное место, где я видел музыкальные инструменты в Виллсайте – это маленький павильон в торговом центре. Сердце города. И сразу же в мою голову закрались сомнения: идти в огромное неосвещённое здание, где в случае чего не будет пути отступления... И это не беря в расчёт бандитов, которые вполне могли остаться в городе. Что я смогу сделать при встрече с ними?

Тот я, который ещё неделю назад мирно кормил курочек и убирался в доме, не стал бы рисковать. Остановился, заметив хотя бы очертание опасности. Но сегодняшний я смотрел на себя совсем по-другому. То ли чувство вины, то ли порыв доказать самому себе, что существует и другой Фирмино, который устал бояться. Которому надоело просчитывать жизнь наперёд. Который хочет найти эти чёртовые струны для гитары, чтобы вновь услышать мелодичное бренчание. Которому музыка нужна так же сильно, как и глоток воды в засушливую погоду.

~~Которого до глубины души задела слова Алекеа:~~

Действовал я быстро, не давая себе передумать. Сейчас, когда я пишу эти строчки, мой пыл остужен и решение идти в торговый центр уже не кажется таким вдохновляющим. Глупым скорее, но тогда я хотел сделать эту глупость. Она была нужна мне для храбрости, для уверенности, что я иду в верном направлении. Поэтому я собрал все свои самодельные петарды, которые так любил использовать Освальд в качестве отвлекающего манёвра; малокалиберный пистолет с глушителем, не слишком полезный для больших дистанций; фонарик, аптечку и бутылку воды.

Не думаю, что следует описывать дорогу до центра. Могу лишь заметить, что погода сегодня стояла удивительно ясная для осени: ослепляюще светило солнце и мягко дул ветер, не сдувая с ног, а, напротив, – помогая идти. Я принял это за хороший знак. Правда, стоило мне подойти к торговому центру – серому пятиэтажному зданию, дышащему холодом, как погода начала портиться. Ни капельки необеспокоенный, я подопнул стеклянную бутылку, валяющуюся на парковке центра. Она покатила вперёд, тихо звеня зелёными боками до тех пор, пока не остановилась у сломанной вывески «Пицца у Карла». Интересно, кем был этот Карл?

Чем ближе я подходил к входу, тем больше под моими сапогами хрустело стекло. Я прошёл сквозь когда-то автоматически открывающуюся дверь и огляделся. Достал фонарик и на всякий случай мачете (оно служило Освальду ещё с армейских времён). Использовать пистолет в таком большом здании я не хотел до последнего – шум от выстрелов разлетелся бы по всем этажам и непременно привлёк заражённых. А что они тут обитали, я не сомневался.

Теперь мне не мешало понять, в какую сторону двигаться. Это, как оказалось, стало самой сложной частью. Пусть в здании не осталось целых окон, а на улице ярко светило солнце, внутри центра двигаться без фонарика было практически невозможно. Я боялся наткнуться на логово заражённых, всё время слышал посторонние шумы и шорохи. В смятении я обследовал весь первый и второй этажи, но так и не нашёл ничего интересного. Только упавший лифт и несколько вывесок с незнакомыми мне словами. На третий этаж я не попал – путь туда оказался умышленно завален прилавками. Тогда я вернулся на первый этаж и вновь принялся его исследовать. Как оказалось, не зря: в самом конце длинного коридора я наткнулся на спуск вниз. «Нулевой этаж», – гласил указатель.

Тихо. Слишком тихо для тёмного помещения. Я переложил тяжёлый фонарик в левую руку, а правой крепче перехватил мачете. Мох под ногами и отвалившаяся от стен плитка... Круг белого света скользнул по стёсанным ступенькам, всё ниже и ниже. Я начал спускаться. На третьей ступеньке в нос ударил запах сырости. Ничего хорошего это не предвещало.

Я ожидал увидеть гнездо заражённых или нечто подобное. Уже был готов уносить ноги, услышав малейший шорох, но разум был словно затуманен. Мне нужно было узнать, что здесь находится. И я чувствовал, что струны ждут меня именно тут. Бегство... казалось мне позорным выходом.

Я провёл лучом фонарика по стенам, коридору, полу, но так и не сумел отыскать видимой опасности. Поэтому пошёл дальше. Сердце билось приглушённо, стуча где-то в висках, а не там, где должно было быть. Только оно и хруст стекла под ботинками создавали шум в подвале. Вдруг я остановился, почувствовав, как начинаю задыхаться. Я сделал несколько глубоких вдохов ртом.

– Только не снова...

Оцепенение, которое напало на меня при виде черноты подвала, исчезло в один момент. Я почувствовал острую необходимость выбраться на улицу, увидеть солнечный свет. Толку строить из себя героя? Доказать Алексу, что я такой же смелый и безрассудный, как он? О да, он бы завалился в подвал к заражённым за возможность перебирать аккорды. Да он бы в толпу к ним прыгнул за такое.

Я даже из дома лишний раз выйти боюсь.

Я собрался повернуть назад, но... не повернул. Почему? Просто я заметил впереди нечто, напоминающее нотный ключ. Огромную вывеску с нотным ключом.

– Быть не может...

Желание уйти соперничало с необходимостью остаться. Вот, я здесь, в паре шагов от своей цели. Протяни руку и схвати!

Я быстро пошёл вперёд, всё ещё не веря своим глазам. Защитные жалюзи были опущены, но на месте двери виднелась небольшая лазейка. Я опустился на колени и направил туда свет фонарика. Ничего, кроме груды мусора и обломков, видно не было. Стоит ли рискнуть?

Пути назад нет. Сбросив с плеч рюкзак, я натянул на нос чёрную маску (на случай драки с заражённым я не наглотаюсь крови) и полез внутрь. По пути умудрился зацепиться за что-то острое и чуть не разорвал штанину.

Оказавшись внутри, я осмотрелся. Сломанные полки и стеллажи, изуродованные временем музыкальные инструменты, обвалившийся в нескольких местах потолок. Я поднялся на ноги, ощущая неприятный холод на коже. Сквозь маску дышать удавалось с трудом. Задерживаться здесь точно не стоит.

Я подошёл к тому, что осталось от прилавка, и принялся рыться в куче мелких безделушек, среди которых мне часто попадались кусочки бетона и стекла. Из интересного я нашёл только красивую штучку золотистого цвета, которой бренчат по струнам (как сказал потом Алекс, это называется медиатор). Струн, как назло, нигде не было.

Решив обыскать ещё парочку более-менее уцелевших шкафчиков, я пробрался к проходу, ведущему на склад. Но, ещё не зайдя внутрь, я ощутил странный звук. Да, именно ощутил, а не услышал. Как будто кто-то тащил ноги по воде.

Чутьё не подвело: из темноты на меня выскочило худощавое серое тело, широко раскрывая пасть, изуродованную чёрными подтёками. Я успел увернуться – заражённый упал на пол. В изрезанных лохмотьях бессильно волочились костлявые палки – руки существа, когда-то именовавшегося человеком. Я не стал тянуть: поставил ногу на его спину, не давая встать, и резким движением отсёк голову.

«Он давно не ел. Слабак», – подумал я. Похоже, мне повезло.

Вонь, которую я ощутил, зайдя на склад, сложно передать словами. Я задержал дыхание и принялся рыскать в коробках, которыми были завалены полки. Бесконечные провода, батарейки, некоторые из которых выглядели даже рабочими, цветные баночки с маслами и средствами для чистки струн, электронные коробочки, похожие на колонки, и ещё много-много других мелочей, предназначение которых я не знал. Наконец, когда воздуха в лёгких стало катастрофически не хватать, я нашёл небольшую бумажную упаковку, на которой красовался логотип фирмы и фото гитары. Распаковав конверт, я увидел то, за чем пришёл.

– Так вот вы какие...

Я положил несколько упаковок в рюкзак и поспешно выбрался из магазинчика, не желая больше здесь находиться. Но мне было не суждено так просто выйти отсюда. Доносящийся из глубины подвала крик дал это понять. Шум неумолимо приближался и, когда я вылез назад в коридор, достиг своего пика. Чья-то сильная, скользкая рука схватила меня за ворот и бросила на пол. Я упал в воду, но не растерялся: перевернулся на спину, схватил мачете и, прежде чем мертвец успел укусить меня, нанёс удар по голове. Тёмно-красная жидкость полилась по лезвию, а существо истошно закричало. Его животный крик был зовом о помощи.

Я попытался закрыть уши, но было поздно: перед глазами замелькали чёрные пятна. Коридор заполнился сотнями схожих криков, больше напоминающих скрежет гвоздя по металлу. Когда они наконец-то умолкли, я смог нащупать ручку мачете в воде. Путь к отступлению был только один. Я побежал к лестнице, задыхаясь от накрывающего волнами страха. Бежал я недолго: на лестнице одна из этих тварей ударила меня в спину. В глазах потемнело, а когда я повернулся, чтобы нанести ответный удар, то увидел три острых когтя, рассекающих маску и моё лицо. Щека загудела, будто ошпаренная кипятком. Я упал на спину и пополз назад, к стене.

Их было не три и даже не четыре. Я насчитал как минимум семерых, готовых разорвать меня на кусочки. Не все двигались быстро, но тому, кто ударил меня, силы и скорости было не занимать. Я потянулся к ремню штанов и достал пистолет, прицеливаясь в стремительно приближающегося заражённого. Несколько раз выстрелил – прямо в голову. Похоже, теперь я разбудил всех обитателей подвала, которые ещё не потрудились очнуться.

Спасся я, запершись за железной дверью, в небольшом служебном помещении. Подпёр дверь спиной, что дико ныла после встречи с заражённым. Я слышал, как они ломятся ко мне. В ушах эхом отзывался бешеный стук в железную дверь.

Когда в моих глазах маленькая чёрная комнатка начала сужаться, я понял, что дела совсем плохи. *Успокоиться, просто нужно успокоиться.* Сосчитать до десяти или... сделать хоть что-нибудь! Прислонившись затылком к холодной стене, я сложил трясущиеся руки в молитвенном жесте, как когда-то учил отец. Прочитал несколько молитв на итальянском, не размыкая губ.

*Poiché tuo è
il regno, la Potenza
e la gloria nei secoli.
Amen.*

Заученные строчки закончились, а в моей голове сформировалось что-то наподобие плана действий.

Открыв рюкзак, я достал все петарды и спички, которые у меня были. Похоже, настал ваш звёздный час! Умирать так глупо я уж точно не собирался.

Сосчитав до трёх и подпалив фитиль, я открыл дверь и выкинул петарду в толпу моих «поклонников», терпеливо ждавших у двери. Взрыв получился громким, даже в какой-то мере эффективным.

Что было дальше, я помню смутно и вряд ли смогу корректно описать. Кажется, меня самого оглушило, а перед глазами начали мерцать огоньки. Я оказался у противоположной от двери стены и принялся стрелять по заражённым, как по стеклянным бутылкам на заборе. В минуту помешательства я даже был уверен, что действительно нахожусь на заднем дворе своего дома, а всё это лишь тренировка.

Двигающихся недругов стало заметно меньше. Воспользовавшись шансом, я выскочил из комнаты. Они цеплялись ко мне своими жилистыми руками, пытались повалить на пол, тянули с такой неистовой силой, что оторвали капюшон куртки. Уже на лестнице я кинул в центр коридора петарду, чтобы отвлечь погоню яркими огоньками и шумом.

На самом деле я впервые самостоятельно использовал петарды как средство отвлечения внимания. Раньше мне не верилось, что заражённые, подобно безмозглым болванчикам, будут послушно следовать к источнику звука. Теперь же верилось охотно.

Я выбрался из торгового центра. Выбрался живым. У меня не осталось ни петард, ни патронов, даже свой фонарик я умудрился оставить где-то в подвале. Но возможно ли опи-

сать счастье человека, спасшегося на волоске от гибели? За последнее время я позабыл о том, каково испытывать яркие эмоции.

Мне хотелось кричать, вот только не получалось. Я поднёс руку к шее, приказывая себе успокоиться. Только не сейчас. Только не снова.

Впервые я потерял голос, когда мне было десять. Долго не мог с тех пор говорить, пока Освальд не взялся за моё обучение. Он научил контролировать агрессию, страх, не судить по внешности и никогда не позволять эмоциям брать верх. Но возможно ли научиться полностью подавлять свои чувства?

У меня так и не получилось. И плата за это – голос.

Домой я вернулся в совершенно растерянных чувствах. Я, конечно же, был рад, что вообще вернулся, но неспособность говорить сильно давила на меня. Вот так просто страх, накрывший после встречи с заражёнными, связал горло и связки. Я прекрасно понимал, что это быстро пройдёт, но не мог заставить себя *не переживать*. Как бы я ни убеждал себя, что всё позади, другая часть меня отказывалась верить в это.

Для начала следовало умыться и скинуть с себя потяжелевшую одежду, потом – устроиться в любимом кресле с книгой и забыть обо всём, что произошло сегодня. Было бы чудесно, но я не учёл факт существования своего соседа.

И конечно же, в доме его не было – пришлось выйти на задний двор.

Склад для хлама, сарай, служивший курятником, огород, скрипучие детские качели и колодец – вот что собой представлял задний двор. Среди всего этого скромного убранства, на земле, заваленной ярко-оранжевыми листьями, что напоминали отблески огня, сидел мальчик и с любопытством смотрел сквозь сетку на импровизированный дворик для кур. Они, как маленькие заключённые, выбирались по утрам на территорию, ограждённую со всех сторон сеткой, чтобы подышать свежим воздухом; а на ночь забирались в свою половину дощатого сарая, что я запираю с наступлением темноты.

Приблизившись к Алексу, я попытался поздороваться, но слова застряли в горле. Честно сказать, мне не хотелось с ним разговаривать, хоть и стоило отдать ему струны, ~~показать, на что я пошёл ради этого~~. Но поймёт ли он меня, если я открою рот и заставлю себя промычать что-то невразумительное? Уж лучше промолчать. Мне не привыкать.

Молчать.

Почувствовав моё присутствие, Алекс взглянул на меня через плечо. Он выглядел в точности как я: потрепанный и уставший.

– Где ты был? – одними губами спросил он.

Вместо ответа я расстегнул рюкзак и протянул ему бумажный конверт со струнами. Алекс не сразу осознал, что скрывается в упаковке. Но стоило ему понять, как серые глаза тут же округлились, и он ошарашенно уставился на меня.

– Это... мне? То есть ты серьёзно ходил за струнами ради меня?

Я мотнул головой.

– Тогда зачем?

Я пожал плечами.

– Не понимаю тебя, – Алекс прижал к груди конверт и опустил взгляд. – Разве ты не должен злиться после того, как я послал тебя? Я думал, ты поэтому ушёл. Не хотел больше меня видеть. У тебя есть причины.

Не знаю, раскаивался ли он по-настоящему, но мне было приятно осознавать, что он раздосадован своими поступками. Я опустился рядом с ним на колени и похлопал по плечу. Мне хотелось сказать что-то вроде: «Ты странный, но вокруг меня больше нет людей, поэтому я мирюсь с тем, что есть», однако я вновь промолчал. Думаю, Алекс понял меня без слов. Честно сказать, своей догадливостью он мне симпатизировал.

– В любом случае, – начал мальчик. – Извини за утро. Я наговорил тебе много чего. На самом деле я так не думаю, просто... Есть вещи, которые мне сложно в себе контролировать. Ты лечишь меня, кормишь, даёшь ночлег. Я всё думаю, зачем ты это делаешь? И никак не могу найти ответ. Я должен тебе слишком много. Ненавижу быть должным, но боюсь, что не смогу расплатиться. Мне бы только не сделать тебе хуже.

Алекс прикусил губу, хмурясь. Я подметил, что он всегда делает это, когда находится в замешательстве.

– Хуже? – на выдохе выдавил я из себя. Напряжение медленно рассеивалось, и говорить стало легче.

– Ты и сам понимаешь. Я как чёрный кот – приношу одни несчастья.

– Я так не думаю.

– Правда, что ли? – с усмешкой переспросил Алекс.

– Наверное.

Я прикрыл глаза, заставляя себя собраться. Но становилось только хуже: голова шла кругом и перед глазами всё расплывалось. Да и щека ужасно болела при каждой попытке открыть рот. Поэтому я нахмурился и нехотя произнёс:

– Иди в дом. Сыграешь что-нибудь на гитаре.

Щёки горели не только из-за длинной царапины, но и из-за прожигающего взгляда Алекса. Я всё ждал, когда он потребует объяснения моего странного поведения, но он молчал. Долгую тишину спустя послышался шорох одежды и листьев – Алекс поднялся на ноги (не без помощи костылей) и вдруг сказал:

– У тебя смешные курицы.

– Роза, Элиза и Нора. Их имена.

Алекс грустно улыбнулся.

– Ты дал им имена.

– Да.

Я слышал, как глубоко он вздохнул, словно думая о чём-то своём, далёком и таком печальном. Мне показалось, что Алекс уже собирался идти к крыльцу, но неожиданно остановился и прислонился ко мне, мимолётно обнимая за плечи.

– Спасибо.

Обомлев, я распахнул глаза, однако Алекс отстранился и поковылял в дом. Всё произошло так быстро, что я даже засомневался, случилось ли это на самом деле.

Но мне стало тепло и хорошо, как никогда раньше.

Спустя час я уже сидел в гостиной, дремля в кресле. Сон был беспокойным: я словно застрял в несвязном бреде, не в силах разобраться, где сон, а где реальность. От этого состояния мне было плохо даже физически.

Алекс сидел на ковре у дивана и кропотливо занимался установкой струн. Его усердное сопение доносилось до меня даже сквозь сон. Но вдруг он умолк. Озадаченный, я открыл глаза и протянул к нему руку, дотрагиваясь до плеча.

– Закончил? – спросил я.

Алекс не отозвался. Он как-то странно кашлянул, а затем неестественно выгнулся, заставляя меня замереть от страха. Он вскинул голову, и два совершенно пустых, налившихся тёмной кровью глаза воззрились на меня. Чёрные жилы тянулись по всему его лицу, будто слёзы, а на губах застыла улыбка. Я знал этот взгляд. Так смотрели только заражённые.

В ужасе я закричал изо всех сил и проснулся. Алекс, настоящий Алекс, сидел на том же месте, что и его жуткая копия из сна. Только этот Алекс смотрел с непониманием своими совершенно обычными серыми глазами.

– Кошмар? – простодушно поинтересовался он.

Я откинулся в кресле, прикрывая лицо ладонью. Меня всё ещё немного трясло.

– Как гитара?

– Пришлось повозиться, но оно того стоит.

Алекс продемонстрировал мне натянутые на грифе струны. Раньше эта гитара принадлежала одному из близнецов, Чарли. Он играл довольно посредственно, да и редко, предпочитая хвастаться своими умениями. Но в детстве я всё равно завидовал ему.

– Такая приятная, – Алекс провёл ладонью по изгибу корпуса. – Будто создана для меня!

Я скептически приподнял бровь.

– Ты играть-то хоть умеешь?

– Вот ещё! – надулся мальчик. – Я же говорил, что умею.

– Ты много что говорил.

Алекс показал мне язык и вернулся к гитаре. Провёл по струнам, вслушиваясь в звук, и немного покрутил колки (это слово я тоже узнал от Алекса).

– Ещё чуть-чуть, зануда.

– Я всё ещё жду. Не должны же мои старания пропасть даром.

Он взглянул на моё лицо, останавливаясь на щеке.

– Поверить не могу, что ты выбрался в город из-за струн. Сильно же ты, должно быть, любишь музыку. Ну, или меня.

– Уж точно не тебя.

Алекс рассмеялся.

– Я и не претендую, – он положил корпус гитары на бедро. – Дрался с заражёнными?

Я дотронулся до царапины, морщась. После долгой обработки антисептиком щека ныла так сильно, что хотелось ударить себя калиткой.

– Ерунда.

– Не скромничай.

– Нет, правда. Было бы о чём рассказывать. Просто показал стайке заражённых, кто король этого города.

– Да неужели?

– Я серьёзен.

– А не боишься обратиться? Может, у них и когти ядовитые!

Я цокнул.

– Тогда бояться нужно тебе. Откушу пару пальцев, потом на гитаре не сможешь играть.

– Я убегу быстрее, чем ты с кресла поднимешься! – весело выговорил он и, понизив голос, будто собирается рассказать самый страшный на свете секрет, добавил: – У тебя толстая задница.

– Что? – я смешался. – Ты опять говоришь какую-то чушь.

– Нет, так и есть. Правда-правда.

– Ой, хватит уже. Ты меня раздражаешь.

Однако впервые он не злил меня всерьёз.

– Давай, – попытался как можно серьёзнее сказать я. – Играй. Я упрашиваю тебя весь вечер.

В ответ Алекс недовольно шикнул:

– Две минуты для маэстро, разве я многое прошу?

И начал перебирать струны. Поначалу медленно, привыкая к инструменту, а затем всё быстрее и увереннее.

– Как с велосипедом, – отметил он. – Главное – начать.

Он немного потренировался и принялся за аккорды. Похоже, он и вправду хорошо играл. Стало стыдно за своё неверие – я даже немного покраснел, но Алекс не заметил этого. Он был слишком увлечён игрой, чтобы смотреть на меня.

– Как же там начиналось... С ля минора, что ли?

Его пальцы коснулись гитары и вдруг быстро побежали по струнам, стирая в пыль годы тишины. Он будто всю жизнь только этим и занимался.

Возможно ли описать словами всё волшебство музыки? Я уж точно на это неспособен, но не могу не попытаться.

Это похоже на синее небо, подёрнутое серой дымкой и исполосованное белыми лучами солнца. Похоже на закат. Такое же тревожное и восхитительное чувство, когда ты стоишь посреди дороги, а вокруг – пустота. Ты не видишь солнца, но чувствуешь, как оно исчезает в твоих глазах. Ещё минута и опустится сумрак, а потом... Что будет потом понять несложно. Не зря Освальд внёс этот пункт в наш свод правил.

«Никогда не выходи на улицу после заката».

Потом – страх и надежда, что-то большее, чем просто слово. Мне судить сложно, ведь я уже много лет не видел заката.

Такой я увидел музыку Алекса. Тревожной, печальной, но завораживающей так сильно, что хотелось следовать за ней, лишь бы услышать последние ноты. Словно ты околдован ею. А ещё я вспомнил походы в церковь с отцом. Каждое оттягивание басовой струны, как одна воскресная молитва.

Резко и пронзительно. Витражи в костёле у дома, лик Девы Марии и пьяный голос отца. Я так давно об этом не вспоминал, что почти забыл. Потому что эта память слишком личная и сокровенная. Такая, о которой я не рассказывал даже Освальду.

– Может, – несмело прервал я игру Алекса, – spoёшь? Что-то более лёгкое.

Мальчик пожал плечами.

– Как скажешь, – он прокашлялся. – Я как раз вспоминал текст.

– Многообещающе.

Алекс улыбнулся и негромко запел:

– Однажды во сне
Я увидел бескрайний океан,
Где вторя каждой волне,
Печально мне пел капитан.
И в рассказе его соловьином
Я понял только одно:
То, к чему мы так долго стремились —
Песчаное чёрное дно.

– Эй-эй, стой. Ты опять играешь что-то грустное.

– Разве? По-моему, песня о капитане скорее меланхоличная, а не грустная. Это разные вещи.

– Может быть, но... Есть что-то весёлое?

Алекс задумчиво почесал подбородок.

– Только баллада про муравья, которого задавили помидором.

– Ужасно.

Он вновь рассмеялся.

– Если хочешь, я могу написать песню специально для тебя. С хорошим концом. Тебе же такое по душе, верно?

Я всегда был человеком сентиментальным, но в моей реальности не было места для такого. К тому же казаться Алексу слишком мягким мне тоже не хотелось.

– Не стоит. Глупая затея.

– Какая отличная затея! – проигнорировав мои слова, воскликнул Алекс. – Будет чем заняться вечером. А сейчас я сыграю балладу про муравья.

– Нет, нет и ещё раз нет. Я не хочу это слушать.

– Тебе не нравится мой голос?

– Нравится, но... может, обойдёмся просто музыкой?

Вопреки моему нежеланию Алекс начал играть свою странную балладу. Она была очень глупой, но в какой-то степени даже... забавной? Я не был, конечно, в этом уверен, ведь уснул где-то на середине.

И на этот раз мне приснилась родная деревушка в *Италии*.

Запись пятая. Машина

Чтение всегда было моим любимым видом досуга. Даже будучи шестилетним, я успевал прочитать по два-три сборника сказок в день. Мама, видя мою увлечённость книгами и учёбой, повторяла, что в будущем я стану известным учёным. Знала бы она, что спустя всего три года я буду мечтать сжечь все учебники ненавистной начальной школы. Места, где я познакомился с унижением и ненавистью.

Сегодня во сне я увидел шестилетнюю копию себя, но даже и не осознал, что это я. Просто какой-то пухлощёкий мальчишка сидел на старом диване, чья ажурная изогнутая спинка пропускала лучи ярко-красного заката на лицо мальчишки, подчёркивая смуглую кожу оранжевым оттенком. Он читал толстую книгу в цветастом переплёте и время от времени открывал рот, удивляясь происходящему в книге. Увлечённый, он не сразу заметил, как рядом с ним на диван опустилась мамма. Она запустила ладонь в непослушные волосы сына и легонько взъерошила их. Во взгляде её отражалась нежность и едва заметная грусть, которую, конечно же, мальчик не был способен заметить.

– Ты решила передохнуть? – спросил он. – Бабушка Диди сказала, что ты очень устала.

– Всего лишь немного болит живот, – ответила мамма, подкладывая розовую подушку под поясницу. – Твоя будущая сестрёнка очень беспокойная, знаешь?

Он нахмурил свои пышные брови.

– Она делает тебе больно?

– Нет, конечно же, нет. Не надо так думать, Фирмино. Давай лучше почитаем вместе.

Он ревностно прижал книгу к себе, когда мамма потянулась к ней.

– Я сам!

– Хорошо... – немного растерянно ответила она. – Тогда считаешь вслух? А я буду тихонько-тихонько сидеть рядом и внимательно тебя слушать.

– Не-а.

– Почему?

– Ты опять уснёшь, как в прошлый раз!

– Обещаю, что на этот раз не усну.

– Ты скрестила пальцы?

– Нет...

Чтобы убедиться в правдивости сказанного, мальчик притянул к себе родную ладошку и с недоверием посмотрел на неё.

– Обманываешь?

– Я тебя никогда не обманывала.

– *Но ты же обещала всегда быть рядом.*

Я упал на колени перед диваном. Не было грусти – я чувствовал приятное умиротворение каждой клеточкой тела. Голова опустилась на покрытую затяжками обивку дивана, и я зажмурился, окончательно теряясь между сном и реальностью. Будто и не было ничего другого, будто всю свою жизнь я провёл здесь, в тесном домике провинциального городка, где каждое воскресенье семейство Кавалли собиралось на террасе и обменивалось последними новостями.

– Я забыл, забыл всё, что ты говорила мне, мамма. Прости меня...

Она запустила свою руку в мои непослушные кудри и улыбнулась.

Призрак залитой солнцем гостиной растворился в серой реальности раньше, чем я успел им насладиться. Проснулся я посреди ночи от сильной боли в спине и обнаружил, что уснул сидя в кресле. Странное дело: обычно я ворочался несколько часов, прежде чем уснуть, а сегодня отключился буквально моментально. Я поднялся, разминая спину. С плеч соскользнул плед и растелился на ковре у моих ног. Не припомню, что бы накрывался им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.